

ИСТОРИИ
МИРА КНЯЖЕСТВ

Пути Волхвов

Мёртвое Царство

Каменное сердце

МЕРТВОЕ ЦАРСТВО

АНАСТАСИЯ
АНДРИАНОВА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Иллюстрация на обложке *Эвана Ярвинена*
Карта на обороте форзаца *Анастасии Андриановой*
Дизайн переплёта *Натальи Капштыкиной*
Разработка серийного оформления *Кати Петровой*
Дизайн макета *Дины Руденко*

Андрианова, Анастасия Александровна.

А65 Мёртвое Царство / Анастасия Андрианова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-187720-0

Ивель — падальщица, с мёртвыми она обращается лучше, чем с живыми.

Когда случайность уносит жизнь командующего армией, Ивель решает овладеть ворожкой и воскресить его, чтобы защитить Царство от войны.

Княжествами правит чудовище — Мёртвый князь. Его пытаются сместить с престола: захватчики-степняки, проповедники, навязывающие новую веру, и даже соседи-князья.

Неосторожная ворожба поднимает мёртвых, Великолесье берёт свою плату живыми душами, сражения вспыхивают то тут, то там, но никто не волен переписать свою судьбу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Андрианова А.А., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-187720-0

Чаю воскресения мёртвых

Глава 1

ЗЕМЛЯНИКА С ПЕРЕШЕЙКА

Падальщица

Во многом можно сомневаться, но одно незыблемо и точно: все люди — прах. Кто-то уже им стал, рассыпался под гнётом лет. Кому-то это только предстоит: иным раньше, иным — позднее. Но, так или иначе, человек — мешок с прахом. Вопрос лишь времени.

Я закончила готовить тело старухи к погребению. Обычное скучное дело — на её тонкой коже не оказалось ни ран, ни следов хвори. Умерла от старости, вот и всё. Вытерев руки в перчатках о штаны, я укрыла тело саваном и переложила на расстеленные носилки.

Вытащив носилки со старухой на улицу, я сняла с лица маску и остановилась перевести дух. В окнах соседних домов виднелись любопытные лица — ещё бы, сами вызвали падальщика, когда соседка перестала выходить из дома, и смотрят теперь, какой знак им подам. Сложу пальцы в круг — значит, всё чисто. Выставлю вверх указательный палец — остерегайтесь, вашу соседку сожрала зараза. Не увидев на мне маски, многие заулыбались и без знака, но всё же я показала круг.

Чалая лошадь щипала вялые травинки и обмахивалась хвостом. Я откинула заднюю створку телеги и подняла носилки. Хорошо, что почившая была совсем худой, прозрачной, как высосанный пауком мотылёк, иначе пришлось бы попотеть, а то и вовсе звать на помощь других падальщиков и отдавать им часть заработка...

За умершую от хвори получила бы больше. А так — мешочек с десятком серебряных ликов. Вскочив на облучок, я пустила лошадь шагом. Надо передать тело старухи могильщику и отдать ему три лика — плата за погребение всегда входила в оплату падальщика. А потом можно найти таверну, отдохнуть и перекусить.

— Эй, малой! — я окликнула рыжего мальчишку, который крутился около дверей таверны вместе со старшими приятелями. — Купи мне медовухи и пирогов.

Он насторожённо замер, разглядывая мою одежду и маску, спущенную на шею. Конечно, сейчас будет умничать: «Баба-падальщик, разве такое бывает?» Я похлопала по мешочку с монетами, чтоб звякнули.

— Купишь на мои деньги, ещё пол-лика навешу в придачу.

Мальчишка заколебался, но всё-таки отошёл от своих друзей, которые тоже бросали на меня любопытные взгляды, приблизился и протянул грязную ладонь:

— Сначала заплати.

Я фыркнула и скрестила руки на груди.

— Знаю я вас, простых. Понесёшься так, что с гончими псами не поймаешь. Может, кто из твоих дружков хочет пол-лика? — Я свистнула и махнула парням: — Эй, вы! Хватит таращиться, выручайте.

Малой поджал губы и кинулся в таверну, аж пятки засверкали. Я ухмыльнулась, села на землю и вытянула ноги, прислонившись спиной к оградке.

Внутрь зайти я не могла. Любой падальщик или могильщик должен пройти очищение после того, как дотронется до смерти. Неважно, что унесло жизнь

почившего: хворь ли, раны или простая старость — смерть есть смерть, и нечего нести её к живым.

Я могла бы очиститься в купальне или священным огнём. Могла бы и просто переждать три дня в доме с запертыми дверями и окнами, но этот способ мне совсем не нравился. Во-первых, я потеряла бы деньги. Во-вторых, умерла бы от скуки. И тогда уже за мной выехал бы падальщик на телеге... Я поднесла ко рту кулак, пряча смехок. Лагре отвесил бы мне подзатыльник за такие шуточки.

Ни в купальню, ни в святилище мне не хотелось идти. По крайней мере, не прямо сейчас. Гораздо лучше подкупить мальчишку и подождать на воздухе, пока погода ещё не переметнулась на сторону ветреной осени.

Мешочек с деньгами немного похудел после того, как я передала мёртвую старуху могильщику. Наверное, могильщикам и падальщикам стоило держаться вместе: гильдия смерти — звучало бы неплохо. Кто лучше поймёт того, кто осматривает трупы? Только тот, кто их закапывает. Остальные лишь наблюдают с затаённым ужасом, насторожённой, брезгливостью — что рисует их воображение в те моменты? Представляют, что осмотр мёртвых доставляет мне удовольствие? Думают о том, сколько заразы я разношу на закрытых чёрных одеждах? Но точно уверена в одном: местные мужчины, когда понимают, что их приглашённый падальщик — девушка, начинают представлять, каково провести со мной ночь.

Вот и один из старших друзей моего рыжего товарища едва ли не рот раскрыл, разглядывая меня.

— Не воняю мертвечиной, можешь сам убедиться. У нас вся одежда пропитана воском и отварами. Не заразная, каждый семиднев хожу к лекарю. Что тебя ещё интересует? Не отдамся тебе даже за пятьдесят золотых ликов — ты слишком юный и прыщавый, а твоя мать будет против такого расточения семейного бюджета.

Лицо юнца приняло оттенок варёной свёклы. Он убежал, а его дружки расхохотались и захолопали в ладоши.

Мой посыльный вернулся с кружкой сбитня и тремя пирогами. Любопытство на его лице горело ярче любой лампы. Я цокнула языком, понюхав кружку.

— Медовуху от сбитня не отличаешь? Что я присила?

Мальчишка даже не смутился.

— Так мелкий я, хмельного не продают.

Да уж, тут я оплошала. Но и сбитень был недурной, горячий, пряный, как раз, что нужно. Я отсчитала две монеты и не забыла накинуть половину серебряного лика сверху. Мальчик просиял, но не унёсся тут же, а сел рядом, держась, впрочем, на безопасном расстоянии.

Я стянула зубами перчатку и протянула ему руку:

— Ивель. Да, баба-падальщица. Спрашивай, раз интересно.

Мальчишка с опасением глядел на протянутую ладонь, и я знала, о чём он думал. Осталось повторить то, что уже говорила его дружкам:

— К лекарю хожу, не заразная. Хвори никакой ко мне давно не прилипало, не бойся.

Он осторожно, быстро пожал мне руку.

— Я Риго.

Кивнув, я впилась зубами в пирог. По большому счёту, мне не было никакого дела до того, как звали мальчишку: каждый день ко мне цеплялись то юнцы, то выпивохи, то любопытные девчонки, и запоминать всех по именам я не могла, да и не хотела. Пироги оказались превосходные: только из печи, обжигающе-горячие, сочные, с мясом и луком. По моему подбородку потёк жир, и я утёрла его второй рукой, что оставалась в перчатке. Я ждала, пока этот Риго начнёт сыпать вопросами:

— Правда, что падальщик может запросто любой дом обчистить?

Ах вот оно что! Шкурный интерес. Я сурово взглянула в возбуждённое лицо Риго.

— Хочешь надеть маску и закрытые одежды? Тыкать в мёртвых тростью и махать над ними окуривателем?

— Ну... кто знает, как жизнь-то сложится.

— Не любой дом. Только тот, куда вызвали. И то не всегда — если мертвеца унесла не зараза. Тащить к себе заражённые вещи не очень-то хочется. Да и не все умершие — богачи. Сегодня я была в доме одинокой старухи. Что там брать? Глиняные миски и дешёвые образа Золотого Отца? Нет, Риго. Я не забрала оттуда ничего.

— Но ведь встречались тебе сокровища?

По правде говоря, я редко что забирала из пустых домов. И не потому, что боялась заразиться, — просто не было в том нужды. Да, у иных падальщиков дома обставлены получше, чем у некоторых вельмож и купцов, но у меня своего дома не имелось, только комнатуха над кабаком в Стезеле. И вовсе не бедность была тому причиной.

Я пошла в падальщики не по нужде и не ради разграбления домов. Денег у меня водилось в достатке... ну, как у меня — у родителей и у брата. Лагре к тридцати одному году дослужился до командующего царской армией: настоящая гордость родителей. Он один принёс нашей семье столько почестей, что на мои причуды отец с матерью решили закрыть глаза: пускай бегаёт, где хочет, наследник у них есть, и такой, что весь Стезель, да и стольный Зольмар позавидуют. Мать надеялась, что с нашим достатком и связями запросто выдаст меня замуж, как только ей самой того захочется. Мне думалось, что это может произойти, едва мне исполнятся неприличные для незамужней девушки двадцать пять. Что ж, два года ещё могу заниматься тем, что действительно интересно. Всё равно мне не позволят выйти за того, за кого я захочу.

Моё ремесло стало эдаким протестом. Но то, что началось с баловства и упрямства ради по юности, выросло в настоящую страсть. Сперва я просто хотела перестать зависеть от отца и его дел, отделить себя, Ивель Лариме, от брата Лагре Лариме и его славы. Мне всегда хотелось зевать от праздных разговоров о погоде, о вышивке, о кавалерах. Меня душили приёмы и балы, бесполезные подарки и сальные взгляды престарелых отцовских партнёров по делу. И я быстро поняла, что небольшие средства, выдаваемые отцом, — мой поводок, моя привязь. Мне хотелось совсем иного.

Родители приняли мою причуду. Не сразу, но приняли. Конечно, я не тотчас съехала из родного имения — сперва объявила, что хочу обучаться лекарству у церковника. Мне понадобилось полтора года, чтобы убедить мать, что падальщица ничуть не хуже лекариши. Мёртвые не стонут и не жалуется, да и пахнут немногим хуже живых. Мало-помалу я начала зарабатывать свои деньги, а когда поняла, что их достаточно, чтобы жить одной, сняла комнату и съехала от семьи. Никто не устраивал в мою честь поминальных обедов, но сперва мне казалось: отцу хотелось бы, чтоб я умерла. Но и он привык. Кто узнает, что приглашённая падальщица — младшая дочь купца Лариме? Все падальщики одеваются так, чтоб ни пяди кожи не было видно, а на лица надевают маски с вшитыми мешочками трав, чтоб не вдыхать гнилостные запахи и ничем не заразиться. Я возвращалась домой, если того требовали обстоятельства: на большие праздники, когда съезжалась толпа гостей. В остальные же дни мать вынуждена была говорить знакомым, что я уехала в Арштатское училище и готовлюсь открыть свою аптекарскую лавку, когда вернусь.

Встречались ли мне сокровища, как спросил Риго? Да, встречались. Полные шкатулки чужих писем, резные памятные бусины, винные бутылки с надписями

на этикетках: «Открыть в честь восьмидесятилетия». Мне попадались человеческие воспоминания, надежды и чаяния — истинные сокровища, но мальчишка, ясное дело, спрашивал не о том.

Я передёрнула плечами, запихивая в рот остатки пирога.

— Пару раз находила женские украшения, годное оружие и мешочки монет. Я не граблю дома подчистую, да и никто из падальщиков не грабит — и уж точно не продаёт опустевшие жилища, выдавая за свои.

Я хлопнула Ригу по плечу, допила сбитень, вернула мальчишке кружку, чтоб отнёс обратно, и запрыгнула в телегу. Запах трав, пропитавший одежду, начинал надоедать, хотелось скорее добраться из пригорода в Стезель, пройти очищение и переодеться.

13

После облачения падальщика холщовое платье ощущалось на теле непривычно легко — словно прикосновения рук любовника. Стараясь ступать осторожно, я прошла святилище насквозь. Моя вера в Золотого Отца никогда не была крепкой, но здесь дыхание отчего-то замедлялось само собой, хотелось шагать тихо, так, чтоб от полированного тысячами ног каменного пола не отдавалось ни единого звука.

Свечи уже не горели, на скамьях не было никого — закончились все службы, теперь, после захода солнца, прихожан можно было встретить лишь в остроглавых святилищах Серебряной Матери, а прибежища Золотого Отца останутся пусты и безмолвны до самого рассвета.

Витраж с солнцем, посреди которого проступало мужественное лицо, выложенное стёклышками другого оттенка, казался спящим. Ещё недавно, на

закате, его раскрашивало солнце, и всюду сверкало в зале: свет отражался от пола, от стёклышек и слюдяных фрагментов, вставленных в колонны и стены так хитро, что каждая деталь ловила свой луч и направляла в нужную сторону. Всё для того, чтобы заставить верующих трепетать от восторга. Но это не помогало: год от года в святилища ходили всё реже.

Я задержалась на минуту, постояла, запрокинув голову. Главный витраж, расположенный под основным куполом, неизменно впечатлял меня, и спящим он выглядел даже более величественным, чем в полдень, когда Золотой Отец глядел сквозь цветное стекло с изображением самого себя. Сейчас, в полутьме, лик казался не отстранённым, а... грозным. Осуждающим, горестным, разочарованным — редкие искры на стёклах напоминали веснушки на щеках, но они отнюдь не делали образ дневного властителя легкомысленным.

— Ты пришла, моя маленькая падальщица?

Я обернулась. Передо мной стоял он — служитель Ферн, мой наставник.

— Стоит ли осквернять ваше святилище этим словом?

Он улыбнулся и протянул мне обе руки. Я сжала его ладони — сухие, тёплые, с узловатыми пальцами — и поднесла к губам, одаривая поцелуем: не церемониальным, а дружеским.

— Золотой Отец спит и не слышит нас, Ивель. А я волен говорить всё, что возжелаю. И не забывай: Золотой Отец нынче слаб, а Милосердный ни на кого не смотрит с небес.

Я смотрела, как Ферн улыбается в мягком полумраке — лукаво, хитро, а прозрачные глаза, как он ни старался скрыть, блестели жадным любопытством. Мне хотелось отдохнуть с дороги, а что может дать лучший отдых, чем разговор с другом?

— Осталось ли вино с полуденной службы?

Ферн улыбнулся шире, показывая зубы со щербинками.

— Пойдём.

В келье горела лампа, на столе и вправду обнаружилась початая бутылка вина и пирог со свиной и зеленью, в очаге подогревалось жаркое. Я опустилась в кресло, Ферн достал второй бокал, налил вина и протянул мне вместе с куском пирога.

— Сегодняшние подавания были щедрыми, — заметила я. — Спрятал что-то в погреба?

— Щедрыми, если сравнивать с прошлым семидневом. И скудными, если смотреть на то, сколько их было пять лет назад.

— Но вино отменное. Что за вкус? Не могу понять... Клубника?

— Земляника. Собрана на Перешейке. У нас её почти не осталось, зато в Княжествах целые поляны ею усеяны. Красная ягода с ароматом девичьих поцелуев.

Он повёл рукой, указывая на небольшую миску, которую я не сразу заметила. Миска была наполнена подвяленными тёмными ягодами, пахнувшими так же, как вино. Я схватила сразу три штучки и кинула в рот, зажмурившись от удовольствия.

— Что же, славно, славно. Скажи-ка, Ферн, ты ещё упоминаешь Золотого Отца в проповедях или теперь рассказываешь исключительно о Милосердном?

Ферн выглядел довольным. В удобном кресле, с бокалом вина в руках, он сейчас не походил на священника, скорее, выглядел как представитель знати, облачившийся в рясу.

— Начинаю с имени Золотого Отца. Ну а дальше... Дальше — о переменах, милая Ивель. Нельзя посеять новые мысли, когда постоянно говоришь о старом.

— И что, слушают тебя? Не кидаются гнилой капустой?

— Если найдёшь на моей одежде хоть пятнышко, скажи, и мы поменяемся с тобой местами. Я буду такать трупы, ты — читать проповеди. Идёт?

Я фыркнула:

— Уйти в услужение и отказаться от всех удовольствий? Уж лучше я буду возиться с трупами.

— Я-то не отказался, — возразил Ферн и отсалютовал бокалом вина.

— Ты — бунтующий священнослужитель. Паук, плетущий паутину в святилище под носом у Золотого Отца. Будь осторожен, иначе он разозлится и испепелит тебя своими лучами.

— Тут ты не права. Меня спасёт Милосердный.

— Хорошо, когда проповедник верит в свои проповеди.

— Плох тот проповедник, который не может заставить себя поверить в то, что говорит.

Ферн с чрезвычайным самодовольством откусил кусок пирога и отряхнул руки. Я заметила новые предметы в келье, которых не было в мой последний визит: зеркало в дорогой оправе, серебряный канделябр, резную чашу для фруктов. Некоторые прихожане и правда были щедры. Пусть всё меньше людей верило в старых небесных покровителей — Золотого Отца и Серебряную Мать, зато проповеди о загадочном Милосердном привлекали определённую публику.

По правде говоря, пять лет назад, когда мы с Ферном только познакомились, он поведал мне о своих идеях, и я подумала, что сказанному не суждено сбыться. Слишком странными были речи священника. Да, уже тогда вера людей в Золотого Отца и Серебряную Мать покрылась трещинами. Люди охотнее верят в то, что можно увидеть своими глазами: в царские оранжереи с дивными фруктами, в самострельные мушкеты, которыми начали оснащать полки... Луна и солнце взирают сверху каждый день, но спроси любого на улице, и тебе ответят, что дары небожителям уже не обеспечивают лёгкую жизнь.

По утрам и вечерам святилища по-прежнему полнились прихожанами: те посещали службы скорее

по привычке и из суеверного страха перед тем, что случится, отвернись от них Отец и Мать. Но недавно пошли шепотки: некоторые священники уходили из святилищ и отправлялись бродить по деревьям, проповедуя веру в Милосердного. Милосердный, говорили они, не смотрит равнодушно с неба, а ходит среди людей, такой же, как они, только бессмертный. Не просто ходит: помогает страждущим, если они молились ему и приносили щедрые дары.

Некоторые с радостью приняли эту байку. В деревьях, где не строили величественных святилищ, люди легко поверили, что по земле бродит кто-то, готовый помочь в случае нужды. Церковь Милосердного принимала в свои ряды всё больше и больше прихожан, а уличные проповедники собирали настоящие толпы, которые иногда даже приходилось разгонять караульным.

Ферн тоже воодушевился идеей нового верования. Если сказать точнее — тем, что верование может принести лично ему. Я даже подозревала, что это он стоял у истоков: связей и хитрости Ферну точно хватило бы, да и в разговорах нет-нет да и проскакивали намёки. У меня не хватало воображения представить себе человека, более стремящегося к власти, чем он. Ферн рассказывал мне то ли сказку, то ли быль о врачевателе, сильном и умном волхве, много лет назад уехавшем в Княжества, лелея надежду познать тамошнюю тёмную ворожбу и стать величайшим волхвом своего времени. Я не знаю, получилось ли у него, зато у Ферна, верю, могло бы получиться всё, что бы он ни задумал. И когда я смотрела на него — невысокого, но хорошо сложенного, с зачёсанными назад седеющими волосами, с тонким благородным лицом и хитро прищуренными серыми глазами, мне хотелось помочь воплотить любые, самые сумасшедшие его задумки. Нет-нет, я никогда не была влюблена в Ферна и не испытывала к нему даже дочерних чувств, просто эта властность, самоуверенность и за-

таённое довольство могли расположить к себе едва ли не любого.

Ферн действовал осторожно, как рысь на охоте. Он не выступал на площадях, не боролся против царя и не подвергал сомнению традиционные верования в Золотого Отца и Серебряную Мать. Что об этом говорить, он ведь как-то стал священником в Золотом святилище, значит, по крайней мере в молодости, горячо верил в добрую волю Отца.

Я сделала ещё один глоток вина и взгляделась в лицо Ферна. Тени очерчивали его острый нос и высокие скулы, делая выражение лица жёстким, требовательным. Я догадывалась, что он жаждет узнать, и не стала дольше томить своего наставника.

— Ничего странного. Никаких признаков... болезни. Люди расстаются с жизнью скучно. Напившись допьяна, падают в реки. Умирают от старости. От простуды или неверного ножа. Но не от заразы. В Царстве чисто, Ферн. Я точно это знаю.

Ферн недовольно скривился, но всего на миг, очень быстро его лицо снова стало притворно-сочувствующим — да, он умел делать вид, что слушает прихожан со всем возможным вниманием и принимает их беды как свои собственные.

— Ты уверена?

Будь передо мной кто-то другой, я бы вспыхнула, но сейчас просто ответила, стараясь, чтоб голос звучал так же твёрдо и ровно, как его, когда в привычные речи службы Золотому Отцу он вворачивал фразы о Милосердном.

— Уверена.

— Что ж, Ивель. — Он снова отряхнул руки, будто бокал с вином мог их испачкать. — Если ты заработала достаточно денег за это время, то я бы хотел, чтобы ты отправилась кое-куда.

Я насторожилась. Земляника с Перешейка так и манила, блестела в миске, источая сладкий аромат, но я не решалась взять ещё. Ферн хитёр, и за каж-

дую съеденную ягоду мне ещё придётся заплатить. Не деньгами, а своей верностью.

— Зачем?

— Любая другая девушка спросила бы «куда», а ты подходишь сразу к делу. За это я и люблю тебя. — Ферн улыбнулся, и мне показалось, будто его глаза блеснули золотом. — Здесь тебе нечего больше делать, Ивель. Ты сполна насмотрелась на скучных мертвецов. Пора усерднее служить Милосердному. И мне.

— Тогда проще спросить «куда», ведь я всё равно мало что поняла из твоего ответа.

— На могильники Перешейка.

Ферн посмотрел на меня так мягко и заискивающе, что у меня не осталось сомнений: он до смерти нуждается во мне и во что бы то ни стало уговорит тащиться на Перешеек. Я вздохнула со стоном.

— Я никуда не поеду, Ферн. Это далеко и долго. Родители терпят меня, потому что знают, что я где-то рядом. А Лагре при необходимости надерёт мне уши.

— Так не говори никому, — произнёс Ферн и ненавязчиво подвинул ко мне миску с земляникой. — Пусть твоё задание станет нашей тайной.

— Ты думаешь, так просто скрыть моё исчезновение? Я не отшельница, Ферн. У меня и родители, и брат, и Аркел... Нет. Нет-нет. Ищи других, в Стезеле полно падальщиков.

Он потянулся ко мне, будто хотел взять за руку, но я отстранилась. Мне просто не хотелось никуда срываться, даже ради друга и его безумной идеи обратиться Царство в новую веру. Я хотела спокойно пропивать свой заработок в пивнушках, покупать симпатичные безделицы и приходиться к Аркелу тогда, когда мне самой хотелось провести с ним время. Мне не понравилось то, что Ферн захотел получить больше власти над моей жизнью, чем у него уже было.

— Ты одна, кто может это сделать. Ты особенная, Ивель.

— Ничего особенного. — Я пожала плечами. — Женщина-падальщица. Едва затаскиваю трупы в телегу. Каждая шваль считает, что я лягу с ним за выпивку.

— Я не про то. Ты много работаешь и далеко продвинулась. Ещё недавно ты была лишь слабой, ведомой купеческой дочкой. Ты упорная и внимательная. И ты училась ворожбе.

Последнее он сказал особенно вкрадчиво. Будь я младше и глупее, могла бы и растаять от такого доверительного тона.

— Но так ничему и не научилась. Мою ворожбу нельзя назвать удачной. Ты сам видел, я не смогла сделать ничего хоть сколько-нибудь... колдовского. — От этого нелепого слова меня передёрнуло. — Ради Отца и Матери, ради твоего Милосердного, Ферн, ну не стоит меня впутывать в твои паучьи дела! Я и так стараюсь для тебя больше, чем кто-либо другой.

— Ни больше ни меньше. Ты делаешь свою работу, Ивель. И делаешь её хорошо, надо отметить. Я лишь хочу тебя подтолкнуть, чтобы ты стала ещё лучше. Ну, и чтобы люди истинно уверовали в Милосердного.

Ферн подмигнул мне и отправил в рот целую горсть земляники. Я покачала головой. Даже хмельная дымка вина, окутавшая мысли, не могла изменить моё решение.

— То, что ты просишь, просто отвратительно, Ферн. Мы уже говорили об этом. Отвратительно и опасно. Это вовсе не то же самое, что вылавливать разбухшие трупы пьяниц из рек. И вовсе не то, чтобы омыwać одиноких, ушедших своей смертью старух. Ты просишь меня вскрывать могилы несчастных, чьи жизни унесла непонятная хворь. Что, если я сама заражусь? Не хочу, чтобы моё лицо раздуло и усыпало язвами. Вдруг клюв вырастет? Слышала я разные небылицы.

Я выдавила нервный смешок, пытаюсь обернуть всё в шутку и вывернуть разговор в другую сторону, но Ферн был непреклонен. Да уж, ему не так просто запудрить мозги.

— Облачение падальщика не позволяет хворям проникнуть в твоё тело, — терпеливо напомнил Ферн. — Мы делали тебе защиту от Мори, пусть ты и не веришь в то, что она действительна. А ещё тебя будет хранить Милосердный. Целых три ступени защиты, Ивель.

— Милосердный, которого вы с дружками придумали для того, чтоб завладеть умами народа. Кого он способен сохранить? Если только тебя самого, если поверишь в него так, как навязываешь прихожанам.

Разозлившись, я тоже хватанула земляники и сунула в рот. Её сладость обожгла горло и вскружила голову, как поцелуи Аркела. Я вдруг поняла, как сильно соскучилась по любовнику, и разозлилась на Ферна ещё больше за то, что он держит меня тут и пытается впутать в очередную безумную затею.

— Злишь сама на себя, — сказал Ферн, будто догадавшись, о чём я думаю. — Я не звал тебя, ты сама захотела прийти. Ради денег или пожелала увидеть меня?

— Ты благочестивый козёл. Могу я хотя бы подумать? И ещё. Ты тоже хорошенько подумай. Над выгодой, которую сможешь мне предложить.

Я обтёрла липкие земляничные пальцы о светлое платье, оставляя полосы на боках. Плевать, выстираю, если захочу, а если нет, оставлю с пятнами. Решу сама, и уж тут Ферн мне точно не указ.

— Уже уходишь? Посиди ещё.

Ферн одарил меня таким невинным взглядом, каким, должно быть, одаривал старых дев, проходящих на проповеди и видящих в нём безгрешного церковника, а не властного хитреца. Я скривила губы.

— Не надо вот этого. Ты хороший священник, но с дружбой у тебя проблемы.

Я встала и зашагала прочь.

— Обязательно подумаю о твоей награде, Ивель! — донеслось мне вслед.

Подумаешь, куда ты денешься.

От зала святилища привычно захватило дух. Я спрашивала Ферна, какие святилища нужно будет строить Милосердному и нужны ли они вообще, но что-то мне подсказывало, что величие обитателей Золотого Отца трудно будет переплюнуть. Даже после разговора с Ферном мне казалось, что сверху сниходят лучи благодати. Мне это не понравилось, никогда не любила чувствовать себя слишком... одухотворённой. И если после кабаков частенько хотелось вымыться, то после святилищ мне всегда хотелось навестить Аркела.

Своим желаниям я привыкла потакать. Кто-то однажды мне сказал, что неисполненные желания приводят к проблемам с пищеварением, а для падальщика важно иметь крепкий желудок.

В театр к Аркелу я почти что бежала — и успела аккуратно к концу спектакля.

— Что за запах? — спросил Аркел, отрываясь от моей шеи.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что он имеет в виду.

— Земляника. Ферн угощал.

Пальцы Аркела стиснули мои бёдра и разжались. Даже сквозь грим было видно, как между выбеленными бровями пролегла недовольная складка.

— Ты сначала пошла к нему, а уже потом — ко мне?

Я рассмеялась и поцеловала Аркела в губы, с которых уже стёрлась краска. Он отвернулся, не ответив на поцелуй. Я не стала останавливаться и положила

руку ему на затылок, приближая к себе. Я уже слишком разгорячилась, чтобы выпустить его из объятий.

— Неужели ты ревнуешь? Это бодрит.

Аркел шумно выдохнул, когда я прикусила его за мочку уха, и всё же подался вперёд, ко мне. Я крепче обхватила его ногами за пояс и почувствовала, как его жилистое тело вжимается в моё.

— Ревную. Не люблю, когда от тебя пахнет праведностью. Эти благовония... или чем он окуривает своё святилище?! Не могу спать со святошей.

— Меньше болтай, — посоветовала я.

Стол раскачивался от наших движений, и флаконы с краской, позвякивая, падали на пол. Гримёрное помещение Аркела было совсем тесным, мы вдвоём едва могли разойтись, но раньше нам и вовсе приходилось ютиться по чужим углам или прятаться снаружи, у загонов с дрессированными животными. Меня это не волновало, даже нравилось бурлящее в крови чувство... не опасности, нет. Ощущение, что нас могут увидеть, приправляло наши встречи приятной остротой, и теперь, чтобы вернуть его в отдельной комнате, мне хотелось сильнее шуметь. Аркел не разделял моих пристрастий и боялся, что из-за меня его могут выставить из театра, но всё же продолжал идти на поводу. Это было приятно.

Приятно было и то, что Аркел ждал меня так, как я любила: не снимая сценических одежд и не смывая грима с лица. Под пальцами шуршала ткань, множественностью слоёв укрывающая тело моего любовника, сверкал стеклярус и золочёные нити. По выбеленному лбу Аркела катились капли пота, смывая краску, а голубые, густо подведённые чёрно-синим глаза казались ещё ярче. Иногда, вытаскивая из жилища очередной труп, я задавалась вопросом: люблю ли я Аркела? Люблю ли его самого или лишь его кричащие наряды и раскрашенное лицо?

— Не ходи к нему, — шептал Аркел мне на ухо, дыша тяжело и горячо. Я почти не слышала его из-за

шума крови в ушах и собственных вздохов. — Не ходи больше к Ферну, я прошу тебя, Ивель.

— Что ты так взъелся на него?

— Он хочет от тебя чего-то странного. Хочет сделать из тебя кого-то другого.

— Молчи, Аркел. Хоть сейчас помолчи.

Следующие минуты и правда прошли без слов — лишь со скрипом стола и нашими стонами. Аркел выдохнул и обмяк, навалившись на меня. Я провела ладонями по его груди, по оборкам и расшитым шелкам, приятно шуршащим под пальцами, и поцеловала щёку в растёкшемся гриме. От Аркела пахло апельсиновыми духами, потом и едким запахом белил. Меня наполнял такой сладкий томный восторг, что слова сами упали с губ:

— Если попросишь ещё раз, я больше не пойду в святилище.

Я тут же пожалела о своих словах, но уже не могла их вернуть, как ни хотела бы. Аркел пригладил растрепавшиеся волосы — светлые, как утренние солнечные лучи, и мягкие, как самый дорогой шёлк. Он вытянул из кармана платок и вытер лицо, став, к моей досаде, не раскрашенным артистом, а обычным молодым мужчиной, пусть и разодетым в кружева.

— Ивель, — произнёс Аркел, пристально глядя на меня. — Я серьёзно прошу тебя, перестань ходить в святилище. Ты знаешь, как мне не нравится этот Ферн. Я чувствую, он хочет втянуть тебя во что-то неправильное.

— Он хочет помочь мне раскрыться. — Я взяла Аркела за тонкие бледные руки. — Я задыхалась бы дома, на материнских приёмах. Ферн направил меня по удивительному пути. Верному, неверному — не знаю, но без него я не стала бы собой. И не встретила бы тебя, Аркел.

Он схватил со стола флягу, хмуро глотнул, прикрыл рот рукавом и протянул флягу мне. Я понюхала горлышко: миндальная брага, зверски ядрёная.

— Только что ты обещала послушаться, а теперь тут же перечишь. Мне не нравится, к чему он тебя склоняет.

Я глотнула браги и едва не закашлялась. На глаза навернулись слёзы.

— К чему же?

Аркел снял театральную рубашку и повесил на крючок, оставшись на некоторое время обнажённым до пояса.

— Ты обещала согласиться, если я попрошу, — снова напомнил Аркел, переодеваясь. Его голос звучал недовольно, и я понимала его, но никак не могла произнести того, что обещала. Стало противно от себя самой, но мой скверный характер не позволял согласиться так просто, как хотел Аркел.

— И я бы согласилась. Если бы ты привёл достойные причины. Если тебе кажется, что Ферн желает мне зла, поясни.

Дверь скрипнула, и внутрь заглянула девушка с высокой причёской и не менее высоким бюстом, готовым вот-вот выпрыгнуть из корсета, зашнурованного так туго, что мне самой стало трудно дышать, глядя на неё.

— А-а, ты снова девчонок тискаешь, — ехидно протянула она, глядя на Аркела. — Когда закончишь, поспеши к Немиру. Он созывает собрание трупы.

Девушка закрыла за собой дверь, но неплотно. Через щель были видны тени снующих мимо людей. Я слышала, как Аркел выругался сквозь зубы, но смотреть на него больше не хотелось.

И без того было ясно, что мой любовник вовсе не присягал на верность мне одной. Во многом я и сама была виновата, никогда не отказывая Аркелу в подачках, которые он тратил на выпивку, азартные игры и других женщин. Кто из нас больше нуждался в другом? Он в моих деньгах — или я в наслаждении от близости с разряженным по-шутовски мужчиной?

— Ты не можешь ничего от меня требовать, — шикнула я, приводя в порядок одежду и волосы. От меня по-прежнему неуловимо пахло проклятой земляницей, но к ней примешался и запах Аркела, и запах моего собственного пота. — Я не твоя собственность. И никогда ею не буду.

Он окликнул меня, но я быстро зашагала прочь. Уже выходя наружу по коридору, я пожалела о своих словах, но не стала возвращаться.

Глава 2

ПОСЛЕ МАСКАРАДА

Падальщица

Меня разбудил мягкий стук в окно. Я дёрнулась, освобождаясь от оков сна: сперва казалось, что это мёртвые пришли за мной и стучатся, но разум быстро прояснился. Очевидно, кто-то забрался на подоконник, желая привлечь моё внимание.

Ругаясь, я вылезла из постели и приоткрыла окно. На карнизе, скрючившись и непонятно как держась, сидел Аркел с покрасневшим от напряжения лицом и, несмотря ни на что, улыбался.

— Ты глупец, — сообщила я.

Выдохнув, Аркел перекатился с внешнего подоконника на внутренний и протянул букет слегка помятых астр — видимо, именно ими он и стучал в стекло.

— Я и так с утра до вечера вожусь с мёртвыми, а ты хочешь, чтобы у меня дома стояли ещё и мёртвые цветы? Нет уж, избавь.

Аркел вовсе не выразил недовольства или разочарования, держал лицо, как истинный артист. Он оставил астры на столе и сел на мою ещё тёплую кровать. Я едва заметно сморщила нос: без грима Аркел нравился мне меньше. Казался каким-то бесцветным: бледная кожа, светлые волосы до плеч и блёкло-голубые глаза. На миг я почувствовала себя настоящей сволочью, которая ценит в людях лишь внешность, но это чувство сразу ушло, стоило Аркелу вновь раскрыть рот.

— Когда ты вернёшься к семье? — спросил он, невинно глядя на меня.

— Не в ближайшее время, — беспечно ответила я. — Что, недоволен театральным жалованьем? Возьми подработку. Можно, к примеру, чистить конюшни. И хорошо бы принести извинения после вчерашнего.

— Подчищать дерьмо лучше, чем вытаскивать мёртвых из домов, — откликнулся Аркел, вторя моему несерьёзному тону. — Извини.

— Если мои деньги для тебя пахнут мертвецами, то можешь не брать их.

Я начинала закипать. Мне хотелось вымыться, одеться и провести утро спокойно, не тратя время на перепалки.

Аркел быстро вскочил, привлёк меня к себе и потянулся ко мне губами. От него пахло розовой водой и пудрой для волос — мягкий, совсем не мужской запах, но мне от него неизменно срывало голову, как и от прикосновений Аркела. Я сама прильнула к нему, и мы тотчас оказались в постели.

— Мне нужно-то всего десять серебряных ликов, — шептал Аркел, блуждая руками по моему телу. — До следующего семиднева. Я заслужу, обещаю.

Он прижался губами к моим ключицам. Я выдохнула, сгорая от страсти, заранее готовая простить ему всё. Что не так со мной и Аркелом? Почему я, зная обо всех его недостатках, продолжала принимать его и помогать деньгами?

— Скажи только, ты снова проигрался или хочешь сводить в сладкую лавочку новую смазливую девчонку?

— Нужно отдать долг, — уклончиво ответил Аркел.

Почему я это терпела? Почему отдавала Аркелу то небольшое, что зарабатывала своим трудом? Не знаю. Было в нём что-то такое, из-за чего я не могла отказать. Что-то беззащитное, мягкое, самым причудливым образом смешивающееся со страстностью и порочностью.

Отсчитав из кошелька десять ликов, я протянула их Аркелу. Он сцапал монеты так быстро, что если бы я моргнула, то могла бы и не понять, куда они делись.

— Пойдёшь на маскарад? — спросил Аркел, довольно откидываясь на подушку.

— Какой ещё маскарад? — Я нахмурилась.

— Маскарад у Лариме. Ты ведь не могла забыть, солнышко, как сильно я хочу туда попасть.

Аркел снова поцеловал меня, так нежно, что я даже забыла возмутиться новой просьбе.

Конечно, как я могла не вспомнить о маскараде? Любимое детище матери — после Лагре, разумеется. Глупый, напыщенный, шумный бал в нашем поместье, куда съезжался весь Стезель и половина столярного Зольмара. Главы гильдий, советники и чиновники всех мастей — все блистали, обрядившись в самые нелепые наряды, скрыв лица и на один вечер потеряв себя в водовороте танцев и выпивки. Аркел и правда давным-давно закидывал мне удочки, едва узнал, что я — та самая блудная дочь Лариме. Конечно, для лицедея такое событие могло стать знаковым. Кто знает, может, Аркелу повезёт встретить мецената или представителя, который продвинет его из рядового балагана в главный театр Зольмара? А если такое произойдёт, мне не придётся вытряхивать из кошелька последние лики, спасая незадачливого любовника от долгов и разъярённых отцов девушек, с которыми он соизволил поразвлечься...

Я застонала и перевернулась на бок.

— Угроздило же забыть. Я не была там лет шесть. Последний раз меня пытались подложить под жирного главу гильдии ростовщиков. С тех пор как-то расхотелось наряжаться и танцевать.

— Может, теперь всё стало иначе?

Аркел осторожно провёл пальцем по моей шее и остановился у ключиц. Он был хорошим актёром и почти сумел скрыть нетерпение, но я-то чувствовала, как сильно, до дрожи, ему хочется, чтобы я провела его на маскарад, куда можно попасть лишь по приглашениям. Ну, или сопровождая одного из членов нашей семьи.

— Стащи из театра костюм вульгарной шлюхи. И маску — такую, чтоб мать с отцом меня не узнали. А сам оденься пороскошнее. Тогда я тебя проведу.

Аркел расхохотался и снова поцеловал меня, на этот раз уже крепко и пылко.

Моя голова лежала у Аркела на груди. Он лениво потянулся к столику, нащупал свой портсигар и скрутил папиросу с фейдером.

— Опять будешь курить эту дрянь? — Я сморщила нос. — Парьё фейдера могут стать причиной постельных неудач.

Аркел хмыкнул, затягиваясь и выпуская желтоватый дым. Пахло приятно, но я хорошо знала, что это курево не может довести до добра. Особенно если сочетать его с выпивкой, а уж Аркел всегда с готовностью угощался вином или брагой у своих многочисленных поклонниц и покровительниц.

— Вот сейчас и проверим, грозит мне неудача или нет.

Уже после первой затяжки улыбка Аркела стала слишком наглой. Я села, подложив под спину подушку и скрестив руки на груди, показывая: с одурманенным не лягу.

По правде, я была бы не против, если б фейдер сделал Аркела менее любвеобильным. Конечно, меня сжигала ревность, хоть я и понимала: между нами не может быть никакой счастливой истории, мы просто спим вместе — падальщица и лицедей с театральных подмостков. И тем не менее мне было неприятно слышать от Аркела рассказы о его похождениях и богатых любовницах, щедро платящих за смазливое лицо и пластичное тело. И ещё меньше удовольствия было в том, чтобы находить на его коже следы

недавних бурных ночей — царапины на спине или багровые кровоподтёки на груди и шее.

Как назло, сейчас взгляд зацепился именно за ссадину на груди Аркела.

— Сколько ей было лет? — спросила я, проводя по ссадине мизинцем.

— Здесь ты не угадала, милая падальщица. Я получил это во время последнего спектакля.

— Там ты тоже играл роль любовника?

Аркел снова затянулся папиросой. Его взгляд становился сонным и блуждающим, поэтому я старалась разговорить его, иначе бы он просто заснул и проспал крепким сном до следующего утра.

— Нет. По сюжету я был неверным, которого убивали воины царя. Деревянным мечом, но он был ужасно похож на настоящий. Почему ты не ходишь на представления? Я бы хотел видеть тебя среди зрителей.

Я улыбнулась, распознав лукавство:

— В самом деле? Ты каждой своей даме говоришь такое?

— Иве-ель, — протянул Аркел. Комнату уже заволокло прозрачной желтоватой дымкой с ароматом цветов — фейдер всегда так пах, — и у меня тоже началась легчать голова. — Не сравнивай себя с ними. Ты ведь особенная, сама знаешь.

Аркел приобнял меня за голые плечи. Пусть я не верила ему, но это всё равно было приятно. Я прижалась ближе, забывая, что ещё недавно таила обиду. Наверное, так на меня действовал дым.

— Моя особенность в том, что я работаю с мертвецами? Твои богатые любовницы занимаются более скучными делами, не так ли?

Аркел хмыкнул и поцеловал меня в висок. Иногда он нравился мне даже таким: бледным, невзрачным без своих костюмов и грима. Словно бабочка, которой стёрли пыльцу с крыльев. Сейчас Аркел казался нежным и беспомощным, и в том, очевидно, была заслуга расслабляющего дыма фейдера.

– Ты особенная тем, что я люблю тебя, Ивель.
– Если лжешь, то лги хотя бы правдоподобно.
– Ты ведь не простая падальщица, – продолжал Аркел, не обращая внимания на моё ворчание. – Ты чудесная. Покажи мне свои чудеса.

Я была уверена, что это – одна из его коронных фраз, после которых женщины млеют и становятся готовы отдать ему всё: от денег до собственных сердец. На меня такие слова не могли подействовать в полной мере, ведь я знала, что Аркел – актёр, а значит, мастерский лгун. Он мог подделать всё, вплоть до вождедеющих взглядов и томных вздохов так, что любой бы поверил, но не я. И тем не менее я ждала наших встреч и по-своему была привязана к нему.

– Это не чудеса. Забытая ворожба, которую Ферн пытается вбить мне в голову. Только не говори никому, иначе меня повесят.

Аркел усмехнулся:

– Скорее меня повесят, чем дочку Лариме и сестру военачальника.

– Не шути со словами, – попросила я. – Ладно. Покажу кое-что. Но ты сам знаешь, что я неважная ученица. Ума не приложу, почему Ферн так во мне уверен.

– Потому что он тоже по-своему любит тебя.

Отчего-то стало теплее от этих слов. Старый паук не использует, а любит меня и заботится о моей жизни – это звучало неплохо, хотя тоже, конечно, было ложью.

Я приложила палец к ссадине на груди Аркела и прикрыла глаза.

Ферн не просто так выбрал меня учить ворожке. За то время, что трудилась падальщицей, я успела в совершенстве выучить человеческие тела: какие они на вид, на ощупь, на запах. Знала, как выглядят раны от ножа, от выстрела, от удара. Каждый день видела смерть: юную, старую, давнюю, едва наступившую. Естественную и насильственную. Я не была

лекаркой, никогда не исцеляла живых, только выносила из домов мёртвых, но Ферн решил: тот, кто так близко знаком со смертью, обязан познать таинства жизни. Это всё равно что идти спиной вперёд — двигаться от смерти к жизни. Странно и немного неправильно.

В первый раз я побывала на Перешейке вместе с Ферном. Мы исследовали могильники — там несколько зим назад остановилась Морь, страшная неизвестная болезнь, пришедшая из Княжеств. Ферн считал, что мои знания о смерти будут неполными, если я не увижу тела тех, кого унесла эта хворь.

Мы занимались ужасным — разрывали могилы, чтобы посмотреть, как Морь изменила людей. В могильниках Перешейка тела сохранялись на удивление хорошо: камень и прохлада берегли их от разложения, и мёртвые могли бы сойти за спящих. Я тогда насмотрелась всякого. Видела рогатых людей, людей с руками-плавниками, людей с чешуёй и древесной корой вместо кожи... Не счесть. Некоторые увечья вызывали ужас, некоторые — странный восторженный трепет. Ферн обещал, что от них нельзя заразиться, нельзя вновь разбередить Морь, но я всё равно работала в маске и костюме, закрывающем всё тело. Я слышала, в Княжествах умерших от Мори сжигали, чтобы не дать болезни и дальше гулять по землям. Может, люди на Перешейке были безопаснее, а может, Морь ослабла, поутихла и дошла до них не столь заразной.

В общем-то, я не слишком верила, что мои дела на Перешейке можно было назвать ворожбой. Что есть ворожба? Забытое умение из старых легенд, нечто сказочное, невозможное. Мне же казалось, что моя деятельность была сродни лекарству. Очень странному лекарству, приправленному чем-то необъяснимым, но всё же ворожеей я себя не считала и фыркала, когда Ферн хвалил меня.

Аркел вопросительно приподнял бровь. Я шикнула на него и зажмурилась, вжимая палец в тёплую ко-

жу, но всё же не сильно надавливая. Я представила, как сходит воспаление, как вновь срастаются частички кожи, закрывая неглубокий порез. Пальцу стало горячо, а в голове налилась тяжёлая боль. Я открыла глаза и победно улыбнулась Аркелу:

— Ну, что я тебе говорила?

Аркел недоверчиво ощупал кожу, снова ставшую белой и гладкой.

— Будь ты проклята, ворожея!

Мы рассмеялись.

Аркел склонил голову, рассматривая место ссадины, потом порывисто схватил мою руку и расцеловал костяшки.

— С ума сойти, Ивель! Это невероятно. Что ты сделала? Что это, если не ворожба?

Я пожала плечами. Меньше всего мне сейчас хотелось думать о тех мертвецах, с которыми я возилась по воле Ферна.

— Я просто захотела, чтобы ссадина прошла.

— Если я захочу, у меня тоже получится?

— Почём мне знать. Попробайся, только не сейчас, пожалуйста.

Я склонилась над Аркелом и поцеловала его в губы. Мне больше нравилось, когда он был занят делом, а не болтовнёй.

Иногда мне очень хотелось, чтобы мы с Аркелом были простой влюблённой парой. Гуляли по Стезелю, заходили к лоточникам, пили горячий сбитень прямо посреди гудящих улиц, покупали пряники и леденцы, а потом шли выбирать новые ленты для волос.

Но мы не были просто парой. И, по сути, не были влюблены.

Понятия не имею, как нас притянуло друг к другу и почему так долго не разводило по разным сторонам. Падалышица и лицедей — меня тянуло к нему из-за нарядов, а его, вероятно, из-за моей деятельности или происхождения. Мы оба искали диковин, а нашли друг друга.

День выдался свободным: и от мертвецов, и от жаждущих зрелищ живых. Мы вяло попытались исполнить мою мечту и отправились в город, стараясь делать всё так, как положено парам: я надела бледно-голубое платье и накидку, Аркел — штаны с камзолом, не шутовской наряд. Мы действительно пили сбитень и ели калачи, но горожане толкались в спины, с улиц несло лошадиным навозом и рыбой, успевшей завонять по пути из Зольмара. Наверное, будь я и правда влюблена, эти раздражающие мелочи показались бы милыми, но я всматривалась в Аркела — то открыто, то украдкой — и понимала, что моё сердце остаётся глухо к этому мужчине, несмотря на то что тело по-прежнему жаждет его ласк.

Я уже хотела распрощаться с Аркелом, договорившись о встрече на другой день, как вдруг всё решилось само собой. К нам протискивалась высокая беловолосая фигура, и боковым зрением я узнала брата. Узнал и Аркел, совершенно не мужественно исчезнув так, что позавидовал бы любой фокусник.

— Ивель! — прогрохотал голос брата, и я остановилась, хмуро глядя на него поверх надкусанного калача.

Мы с Лагре были очень похожи — оба пошли в отца, светловолосые и хорошо сложенные. В юности я печалилась, что не унаследовала мамин нежный румянец щёк и тонкий изящный нос. Если Лагре шли грубоватые черты лица, делая его мужественным и твёрдым, то мне, дочке из влиятельной семьи, полагалось быть хрупкой и милой. Хотя тут вопрос только в достатке семьи — очевидно, если бы матери

приспичило, меня бы выгодно выдали замуж, даже будь я одноглазой горбуньей.

— Я уже просил тебя, Ивель. — Лагре навис надо мной, грозно хмурия брови. Не знай я его с рождения, может, и испугалась бы такого здоровяка. — Он не пара тебе. Я не должен больше видеть вас вместе.

— А то что, Лагре? Отречёшься от меня? Больше не подольёшь вина на семейном торжестве?

— Тебе не пятнадцать. — Он покачал головой, и я отчего-то устыдилась. — Ты взрослая женщина, сестра. Не дерзи, из твоих уст это не звучит впечатляюще. Скорее... глупо.

— Вот именно, мне не пятнадцать, и я сама могу выбирать, с кем проводить время. Меня пока не выдали замуж, забыл? Когда выдадут, тогда и буду ложиться только с мерзким знатным супругом. И то... лишь поначалу.

Я нагло ухмыльнулась, чтоб сильнее разозлить Лагре. Его ноздри раздулись, как у быка, и, будь я мужчиной, он бы, наверное, ударил меня.

— Ты невыносима, Ивель. Невыносимая эгоистка. Ведёшь себя как маленькая избалованная девчонка. Когда же ты повзрослеешь? Неужели ты не можешь понять, что твой выбор — выбор всей семьи? Ты не себе выбираешь ушлого шута, ты выбираешь его всем нам. Отцу и матери. *Мне*. Сейчас я как никогда близок к царю. Он может назначить меня своим личным военным советником, но что он скажет, когда услышит, что моя родная сестра обжимается по углам с нищим артистом? Что подумает обо мне?

— Не поверю, что для царя это что-то значит. Как мнение о тебе может испортиться из-за того, с кем спит твоя сестра? Лагре! Ну подумай сам!

— Это ты подумай, Ивель. Тебе кажется, будто ты полностью принадлежишь сама себе, но в большей степени ты принадлежишь семье Лариме. Мать с отцом закрыли глаза на твоё желание стать падальщицей. Закрывают и на Аркела — до поры до времени.

Но я не настолько терпелив. Ты — моя сестра, а я — командующий сильнейшей армией в Царстве. Если я пожелаю, ты ляжешь под любого из вельмож. Даже под чудовище из Княжеств, если это понадобится царю. Ты услышала меня, Ивель?

Я невольно слотнула. Лагре не шутил. Он и правда мог выдать меня даже за князя-волхва. И не просто выдать — подарить. Он имел на то право, и даже моя смерть не могла помешать ему.

Лагре явно ждал ответа. Выдохнув, я стёрла с лица ухмылку и прошептала:

— Услышала.

Он кивнул:

— Вот и славно, Ивель. Ты неглупая девушка. А если я ещё раз увижу подле тебя этого проходимца, то убью его.

Лагре заботливо, с нежностью заправил мне волосы за ухо и поцеловал в макушку. Его нежность была напускной, от неё веяло большей угрозой, чем от рыка. Я знала: он не шутил. Не убил бы сам, так подослал бы наёмников. И никто бы не увидел больше Аркела.

Лагре пошёл прочь, возвышаясь над толпой, а я так и осталась стоять среди лоточников и прогуливающихся пар.

Меня потрясли слова Лагре о князе. Уже не раз я слышала от него слухи о том, что война с Княжествами — не такое уж невероятное событие. Я никогда не бывала на военных советах — кто же пустит туда взбалмошную падальщицу, пусть и сестру командующего? — и не слышала, о чём говорят советники. Вдруг нам и правда что-то грозит? Тогда стремление Ферна вернуть церкви власть, внушив людям веру

в Милосердного, более чем оправданно — в трудные времена народ должен верить в светлое, а царь — в единство своих подданных.

Я поднялась в свою комнату, переделалась в платье для сна и переплела волосы в свободную косу, спадающую ниже талии. Город за окном шумел, погружённый в вечерний мрак. Внизу тянули пьяную песню на дюжину глоток, где-то дрались под женские визги, брехали уличные псы. Мне не хотелось ложиться — вдруг увижу во сне князя-волхва. Слишком много слухов про него ходило, разных и странных, но все они были схожи в одном: каким-то из Княжеств правит чудовище. Впечатлительность — не слишком подходящая черта для той, что привыкла едва ли не каждый день возиться с мертвецами, но тяжёлые мысли и правда частенько мешали мне спать. А после разговора с Лагре мне весь вечер было не по себе. Он говорил так, будто от Княжеств на самом деле исходила какая-то угроза для нас. Но как воевать с такими? Как воевать с теми, кто познал ворожбу и ежедневно имеет дело с нечистыми тварями? Каждый ребёнок слышал, что в тех глухих лесных землях до сих пор заправляют нечистецы, почти всесильные могучие твари, иные высотой со столетнюю ель...

Я захлопнула окно. Деревянная рама скрипнула, но так и не закрылась до конца, оставив щёлку, через которую ветер будет задувать ночь напролёт. Хотелось выпить чего-нибудь крепкого, чтоб не приснился страшный князь-волхв, безродный самозванец, устроивший переворот в ближайшем к нам Холмо-лесском княжестве, но спускаться было неохота. Я не знала, как выглядит князь, да и, в сущности, мне не грозила встреча с ним, но отчего-то он представлялся высоким, с медвежьей шкурой на широких плечах. Я нырнула в постель, с головой укрывшись одеялом. На удивление, сон пришёл быстро, но снилось совсем не то, что я ожидала.

Мне приснились мертвецы. Они уже начали гнить, но ещё шевелились. Сперва они все лежали в моей телеге, один на другом. Так, словно я побывала в городе, сражённом болезнью или войной. На некоторых виднелись пятна крови, но большинство оставалось чистыми, будто просто заснули да так умерли во сне. У того, что был ближе всего ко мне, сначала дёрнулись пальцы, потом он шевельнул рукой. Масса покойников взбурлила, как дождевые черви в яме. Они открывали глаза: слепые, серые, с мошками и личинками в уголках век. Вставали один за другим, отряхивались по-собачьи и распрямляли спины. Они выглядели почти живыми, если бы не запахи и не следы тлена на коже...

Насилу я выдернула себя из страшного сна.

— Будь ты проклят, Лагре, со своими разговорами, — пробормотала я, хлебнула воды из фляжки и плеснула в лицо.

Остаток ночи я проспала тягучим, тяжёлым сном, но кошмары больше не возвращались.

Я не могла вспомнить, в какой момент перестала воспринимать поместье Лариме как свой дом. Теперь, глядя издали на особняк из белого камня, освещённый по-праздничному, увитый осенними гирляндами, я не чувствовала ничего. Меня не тянуло в его залы, в спальни и каминную залу. Не хотелось пробраться на кухню и стянуть свежую булку, не хотелось остаться на семейный обед или присутствовать на материнском чаепитии с подружками. Дом стал чужим, и для него я тоже стала чужой.

К воротам съезжались кареты, некоторые изрыгали из нутра пышно разодетых дам, похожих на кремовые пирожные, некоторые проезжали дальше,

через сад, прямо к входу в особняк. Меня мутило от их вида, а от вечернего ветра знобило.

Аркел сдержал обещание и раздобыл нужный наряд: корсет туго стягивал талию, оставляя открытыми плечи и грудь, отчего кожа покрывалась мурашками.

— Пора надеть маски, — шепнул Аркел.

Я вздрогнула и повернулась к нему. Он держал одну настоящую театральную маску и несколько баночек с краской.

— Давай сюда. — Я выхватила маску. Тут он тоже постарался: маска закрывала всё лицо, и в ней я становилась похожей на неведомое чудище с длинной бурой шерстью и витыми, как у горного козла, рогами.

— Чудесно, — ухмыльнулся Аркел, весьма убедительно изображая восхищение. — А теперь, будь добра, помоги мне перевоплотиться.

Я вскинула бровь, чего, конечно, не было видно под маской. Аркел дунул на мостовую и встал на колени, протягивая мне кисть и баночки с краской. На миг у меня проскочила шальная мысль: было бы лучше, если б он протянул мне коробку с помолвочным кольцом. И тут же пришёл ответ: нет, не лучше. Незачем.

— Я должна раскрасить твоё лицо?

Он кивнул и доверительно прикрыл глаза.

— Рисуй что хочешь.

Мимо нас с гиканьем пробежали мальчишки, подпрыгивающие, опираясь друг другу на плечи, чтобы лучше разглядеть особняк и прибывших гостей. Улицу запрудили прохожие — все невзначай решили прогуляться, по чистой случайности облачившись в лучшие наряды: вдруг пригласят в усадьбу?

Аркел ждал. Со своим костюмом он не прогадал: такой гладкий блестящий шёлк оттенков золота и вечерней небесной синевы могли бы носить царицы. Без грима его лицо и правда казалось незнакомым,

уязвимым, слишком юным и нежным, вовсе не тем, от которого я сходила с ума в театральной гримёрной. Желая возродить свой любимый образ, я щедро мазнула синей краской ото лба до подбородка. Губы Аркела дрогнули и едва заметно поцеловали мои пальцы, когда я вела линию поперёк рта. Зелёными стали веки, брови из бледных сделались чёрными и заострёнными, похожими на рыбок с дерзко вздёрнутыми хвостами. На щеках зазолотились круги, напомнившие лик Золотого Отца, а вместе с тем — Ферна и его святилище. Я разошлась и мазнула ещё и по волосам, окрашивая пшеничные пряди в смесь синего и зелёного.

— Готово, — довольно известила я.

Аркел вскочил на ноги. Изменилось не только его лицо, но и мимика, и движения — передо мной был больше не нежный красивый юноша, а пылкий царь из иного мира, нечистец из Княжеств или вождь из Мостков. Я прекрасно помнила, чем грозил Лагре, но теперь уверилась: он не узнает меня в маске чудища, а Аркела вряд ли видел на сцене. Мой строгий, лишённый воображения брат и помыслить не может, что смертный человек способен на такие перевоплощения.

— Позвольте вас пригласить. — Аркел галантно подставил локоть. Я шутливо раскланялась и взяла его под руку.

У ворот я показала фамильный перстень, который едва не забыла надеть перед выходом — чтобы попасть на маскарад, было достаточно показать перстень, и тогда даже письменного приглашения не понадобится. Мы зашагали по дорожке к мосту через пруд с фонтанами. В воздухе пахло поздними отцветающими розами, со стороны поместья лилась музыка, и пока мы шли, нас обогнало несколько разряженных пар, спешащих попасть внутрь в числе первых, чтобы им точно достались копчёные мидии в чесночном масле и розовое игристое вино.

— Я уже жалею, что привела тебя, — произнесла я так беспечно, как только могла. — Получив покровителя, ты перестанешь во мне нуждаться.

— Ты лишишься обузы в виде нищего артиста. Разве плохо?

— Лишусь умелого любовника.

Аркел хохотнул так громко, что на нас обернулась пышная дама в розовом платье, которая только-только нас обогнала.

— Я знаю выход из ситуации. Брось своё ремесло, вернись в семью. Стань богатой невестой, а потом — богатой женой какого-нибудь купца. Богатой, но обязательно верной. Покровительство всегда процветало в семьях, где молодость женщины побеждала богатство мужчины. Я с радостью продолжу спать с тобой, но уже в новом статусе.

— Чем тебя не устраивает моё занятие?

Аркел повёл плечами:

— Слишком многим.

Как ни презирала я мамины торжества, а всё же у меня перехватило дыхание, едва мы вошли в зал. Отец, должно быть, потратил целое состояние на свечи и живые цветы: в помещении было светло, как солнечным днём, блики отражались от хрустальных подвесок на люстрах и в зеркалах на стенах, плясали на канделябрах и играли на бокалах и украшениях гостей. Гирлянды свежих цветов спускались с потолка, будто наверху расцвёл чудесный сад, и их тонкий аромат наполнял зал наравне с запахами духов, закусок и напитков.

— Ивель?

Я поняла, что Аркел тянет меня за локоть. Мотнув головой, я пошла за ним, и через пару шагов мы нырнули в толпу разряженных гостей: словно в море вошли, только это море состояло из весёлых взбудораженных людей в таких причудливых костюмах, что мы с Аркелом, к счастью, совсем не выделялись.

Вспомнив, что всё-таки нахожусь в родительском доме и не раз бывала на таких маскарадах, я потащила Аркела к правой стене — там стоял старый мамин клавесин, к которому неизменно тянулись все, кто считал, что лучше других разбирается в прекрасном. Играла ненавязчивая музыка, и на сцене, возведённой у клавесина, я увидела небольшой оркестр. Музыканты тоже обрядились в чудные наряды, но такие, какие не мешали бы им играть.

Мимо нас сновали юноши с подносами, полными бокалов и закусок, — все подавальщики были как на подбор стройными, гибкими, а маски лишь наполовину прикрывали смазливые лица. Я взяла нам с Аркелом по бокалу игристого и слоёных корзиночек с мидиями.

— Ты знаешь кого-нибудь? — шепнул Аркел мне на ухо.

— погоди.

Я вглядывалась в гостей, стараясь опознать хоть кого-то. Портные потрудились на славу, когда создавали костюмы: сверкающие, с осиными крыльями на спинах, расшитые золотом и хрусталём, с воротниками, длинными рукавами, струящимися подолами... Маски, шляпы и вуали всех мастей мастерски скрывали лица — не разберёшь, где царский советник, а где жена торговца шелками. Совершенно точно я видела мать: маленькая и изящная, словно статуэтка, она в свои пятьдесят могла бы сойти за мою сверстницу, особенно в этой элегантной маске, закрывающей верхнюю часть лица. Меня кольнуло что-то вроде вины, и я поспешила отвести взгляд.

— Пока нет. Может, ты сам попробуешь завести с кем-то разговор? Тут нет бесполезных и незнатных гостей.

Я легонько подпихнула Аркела, чтобы он перестал жаться ко мне беспомощным птенцом.

— И как я буду представляться?

Он задумчиво постучал по губам, и на пальцах осталась краска. Я раздражённо закатила глаза.

— Если стыдишься положения рядового лицедея из маленького театра, то мог бы заранее придумать себе правдоподобную историю. Давай. Иди.

Аркел покачал головой, разминая шею, широко улыбнулся — наигранно, скорее всего, и эта улыбка смотрелась почти что безумной на раскрашенном лице.

Я вздохнула и рассеянно отпила игристого через прорезь для рта. Маска мешала, но снимать её было нельзя. По крайней мере, пока все ещё оставались достаточно трезвыми, чтобы узнать меня. Привалившись к столику с закусками, я принялась рассматривать собравшихся. Убранство и наряды правда были великолепны: попади я сюда впервые, захлебнулась бы восторгом маленькой девочки. Музыканты разминались, готовился грянуть первый танец — что выбрала мать на этот раз? Менуэт? Или что-то поновее? Взгляд то и дело возвращался к матери, безошибочно находя её в толпе.

— Милая красавица, к чему вы вырядились таким чудищем? Впрочем, меня устраивает всё, кроме маски...

Я и не заметила, как ко мне, пыхтя, приблизился Гаргео Бейде — тот самый глава гильдии ростовщиков, за которого меня безуспешно пытались выдать замуж несколько лет назад. Стало противно, когда я поняла, что сальные глазки Бейде бегают по моему телу, затаянному в корсет.

— К счастью, я перестану быть чудищем, едва сниму костюм. Некоторым такое перевоплощение не грозит.

Я отсалютовала бокалом и допила игристое, стараясь, чтобы это выглядело грациозно, несмотря на грузную лохматую маску. Бейде, вероятно, не понял колкость, но всё равно пару раз отрывисто хохотнул, будто кашлял. Он почти пренебрёг правилами

маскарада, а может, ни у одного портного в Стезеле не нашлось достаточно ткани, чтобы сшить праздничное облачение на его тушу, которая стала только необъятнее за то время, что мы не виделись.

Бейде придвинулся ближе, так, что я почувяла запах его пота. Хорошо, что маска скрывала отвращение на моём лице.

— Мы встречались раньше, милая?

Он по-прежнему думал, что деньги способны сделать сговорчивой абсолютно любую девушку. Наивный старый болван. Я поспешила перевернуть фамильный перстень гербом вниз и ускользнула в сторону.

Я не танцевала, не заигрывала с богато разряженными мужчинами, не щебетала с дамами — нашла себе закуток, откуда был виден весь зал и где цветочные гирлянды достаточно скрывали меня от глаз, и обложила закусками и вином, приготовившись коротать время в ожидании Аркела.

Пару раз я видела Лагре и его заместителя, Раве, — друзья с детства, они вместе дослужились до командующих царской армией. Только Раве всегда был вспыльчивым и частенько рубил сплеча, тогда как Лагре оставался сдержанным и сохранял холодную голову.

Гости веселились, угощались, смеялись и танцевали, и я тихо радовалась, что материн праздник идёт так, как она наверняка хотела: грандиозно, пышно, хмельно и весело.

Маскарад подходил к концу, некоторые уже раскланялись и разъехались, как вдруг я поняла, что вижу Аркела рядом с Лагре. Увиденное потрясло меня и заставило сердце подскочить от волнения: что их свело вместе? Аркел, судя по всему, был пьян: с камзола исчезло несколько золочёных пуговиц, краска на лице размазалась, да и стоял он неровно, будто вот-вот упадёт. Лагре, напротив, держался твёрдо и совсем не выглядел хмельным, а вот Раве нервно метался рядом.

— Лагре, этот сброд не стоит твоего внимания.

Я едва сдерживалась, чтобы не вскочить и не подойти к ним. Увидев меня, Лагре мигом бы понял, что к чему... Хотя кто знает, может, уже понял.

— Как ты попал сюда? Говори! Это Ивель тебя привела? Ты её заставил?

Лагре напирал, а пьяный Аркел выставил вперёд ладони, стараясь оттолкнуть моего брата. Если бы я вышла и заступилась, всё смотрелось бы ещё хуже, чем дешёвый спектакль.

— Что ты...

За музыкой и звоном бокалов, которые подавальщики убирали со столиков обратно на подносы, я не слышала слов. На какое-то время обзор закрыла группа людей — у одной женщины маска съехала, и я узнала в ней близкую подругу матери, а вот трое её кавалеров были мне незнакомы. Решившись, я встала, протолкалась мимо гостей и глупо замерла: ни Лагре с Раве, ни Аркела уже не было. Меня тут же охватило дурное предчувствие.

Я огляделась. До ужаса хотелось снять маску, мешающую обзору, но я боялась сделать ещё хуже. Да уж, хороша любовница! Как я могла думать, что Лагре не встретится с Аркелом и не узнает его, пусть даже с раскрашенным лицом? Мне захотелось дать себе пощёчину, но маска не позволяла.

Ещё пару минут я глупо металась по залу, но взяла себя в руки: Лагре куда-то увёл Аркела. Куда? Для чего? Что бы ни пришло моему братцу в голову, я могу уговорить его сменить гнев на милость. Наверное, могу.

Оглядевшись, я попыталась размышлять здраво. До выхода далеко — они не успели бы так быстро пересечь весь зал. Значит, ушли в другую сторону — к кухонному коридору, ведущему на задний двор. Очень похоже, что Лагре решил вывести неугодного гостя тайным путём и поговорить на задворках.

Я шмыгнула за дверь, выкрашенную в тон стен, и оказалась в коридоре. Подобрав платье, кинулась

дальше, мимо душных кухонь, не обращая внимания на предупреждающие крики кухарок. Меня душил корсет — а может, просто от волнения сдавливало грудь. Что мог сделать Лагре Аркелу? Избить? Но с ним же Раве, образумит Лагре, даже если он перебрал игристого... И вообще, Лагре — уравновешенный и умный мужчина, он не станет кидаться на гостя, ещё и в день маскарада — не станет давать пищу для пересудов. Я успокаивала себя этими мыслями, а сама вспоминала, как горячо Лагре уверял меня, что убьёт Аркела, если застанет его снова в моей компании. А в этот раз он не просто был в моей компании — я привела его к нам домой. Будь прокляты мои глупость и безрассудство!

Дверь чёрного хода была приоткрыта — точно, я всё правильно поняла. Толкнув её, выбежала на улицу. Оказывается, к вечеру пошёл мелкий первый снег, и земля укрылась тонкой белой простынёй. Мои голые плечи тут же обожгло холодом, но пьяным гостям мороз несколько не мешал: под каждым аккуратно подстриженным кустом валялись либо парами, либо в одиночку, охлаждаясь после бурных танцев. Я сорвала маску и выкинула в снег, подхватила юбку, задирая её выше колен, и побежала через сад к задней калитке.

С каждым шагом сердце всё сильнее колотилось в груди, дурные предчувствия и страшные мысли распирали голову.

Плющ, увивший ограду, покрылся инеем и снегом, словно сахарной пудрой. Я раздвинула плети и нащупала щеколду, больно-жгучую от холода, как вдруг за помещьем, со стороны пустыря, прозвучал выстрел. Сердце оборвалось, замерло и понеслось вскачь. Подозрения окрепли, обернулись чёрными тенями и заслонили взор, заставляя буквально сходить с ума от страха. Руки дрожали, мешая открыть проклятую калитку. Там точно случилось что-то ужасное. Лагре сдержал-таки своё обещание... Какая же

я идиотка! Знала ведь, что он не станет кидаться словами, и уж если решил, то доведёт до конца. Зачем я пошла на поводу у Аркела? Зачем подвергла его такой опасности?

Наконец щеколда поддалась, саданув мне по пальцам ледяным железом. Не обращая внимания на боль и холод, я толкнула калитку плечом и понеслась по заснеженному пустырю.

Вдаль тянулись ряды чёрных кряжистых яблонь, растущих по бокам пустыря так давно, что никто из живых не мог бы вспомнить, когда их тут посадили. Впереди виднелись три фигуры: одна стояла, поддерживая вторую, а третья стремительно удалялась прочь.

— Аркел! — крикнула я.

Единственный державшийся прямо человек обернулся и неопределённо махнул рукой, то ли подзывая, то ли прогоняя меня.

Я подбежала ближе, не веря своим глазам. Человека я узнала — это был Раве. На земле лежали два мушкета, снег покрылся пятнами крови. Я кинулась вперёд, всхлипывая и не понимая, что происходит.

— Аркел?

Я склонилась над раненым и замерла. Я ожидала увидеть одно лицо: тонкое, нежное, покрытое театральным гримом, но увидела совсем другое, очень похожее на моё.

На груди костюм Лагре промок от крови. Кровь сочилась у него изо рта, вскипая пенными пузырями на губах. Он ещё дышал — рвано, часто, слабо, но глаза смотрели куда-то сквозь меня.

— Лагре, Лагре, что же случилось? — забормотала я, не понимая, как такое могло произойти.

Раве осторожно опустил Лагре на землю. Я шарилла руками по земле, хлопала Лагре по щекам, ощупывала его одежду, сама не зная, что надеялась найти. От Лагре кисло пахло спиртным.

— Мушкет долго заряжать, — глухо произнёс Раве. — Иначе я бы выстрелил ему в спину.

— Кому?

Меня душили слёзы, а в голове сделалось так пусто, что я не могла ни о чём думать.

— Тому раскрашенному шуту, с которым Лагре вздумал стреляться.

— Стреляться?

— У них была дуэль.

— Аркел не мог его убить! Он не умеет стрелять! — всхлипнула я.

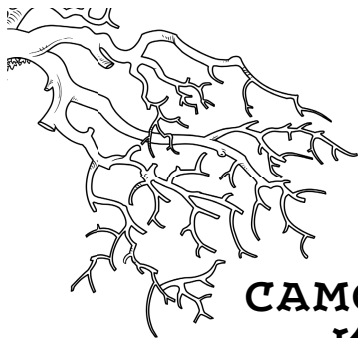
— Даже не умеющий стрелять может случайно попасть в цель.

Лагре вздохнул и замер, став кем-то чужим, бездвигным и холодным, совсем не похожим на моего брата. Я закричала.

Мне доводилось часто видеть смерть — может, даже слишком часто, но я и в бредовом сне не могла допустить, что однажды увижу смерть моего Лагре. Этого просто не могло быть — ни в этой жизни, ни в любой другой! Аркел, безобиднейший человек из всех, кого я знала, игрок и любитель женщин, застрелил на дуэли командующего армией, моего родного и любимого брата...

Сквозь слёзы я различила, как со стороны поместья к нам кто-то бежал, крича и размахивая фонарями.

Глава 3

САМОЗВАННЫЕ, ЛЕСНОЙ И ПРИЗНАННЫЙ

Князь

Передо мной стоял мальчишка зим тринадцати, не больше, и смотрел на меня с открытым вызовом. Он чем-то напомнил мне другого юнца, которого я встретил как раз в том же возрасте и который теперь, возмужав и окреп, стал мне правой рукой. Из-за этого-то сходства я, наверное, и терпел самозванца, хотя мог бы запросто приказать бросить его в реку Горлицу или в любую выгребную яму.

Я погладил огромную голову пса, лежащую у меня на коленях, и устало кивнул, веля мальчишке начинать разговор. Виски стягивало и сжимало, где-то в затылке гремели перезвонцы: в последнее время меня часто стали терзать головные боли, и не выпивка была тому виной.

— Моё имя — Изгень Ганеальн, я незаконнорождённый, но родной сын почившего князя Страстогора.

«Изгень Ганеальн». Я даже мысленно не мог повторить это имя, не запнувшись, а вслух и вовсе не отважился бы. По бокам от мальчишки стояли стрельцы, но не клали руки на оружие, выказывая уважение и к месту, и ко мне лично. Я это оценил, но не стал внимательнее приглядываться к лицу Изгения, пытаюсь выцепить в нём хоть какие-то черты Страстогора. Приди он в числе первых таких же самозванцев, я бы призадумался, долго всматривался, а потом ещё мучился бы бессонными ночами, но теперь, когда со смерти истинного князя минуло пять зим, я понял:

если Страстогор и оставил незаконных сыновей, мне ни за что самому не понять, кто говорит правду, а кто лжёт в попытке завладеть княжьем теремом.

— Чем подтвердишь свои слова, Изгень?

От звуков моего голоса Рудо, мой пёс, поднял голову, сонно взглянул на меня и опустил снова, убедившись, что никакая опасность нам не грозит.

— Взгляни на это, Лерис Гарх.

Мальчишка шагнул ближе. Дружинники, стоявшие по бокам от кресла, насторожились и схватились за палаши. Я не препятствовал им, пускай всем показывают, что я не дамся просто, как не давался все пять зим. Пускай полнятся слухи о моих зверствах и ярости, пускай остаётся Холмолесское желанным, но неприступным, как прекрасная вдовствующая княгиня.

Мальчишка замер, остановленный палашами, и протянул что-то на вытянутой руке. Я подался вперёд и увидел, что Изгень показывает подвеску с филином.

— Что с того?

— Это ведь филин. А филин...

— Знак Страстогора, знаю. И что, я тоже стану его сыном, если намалюю филина у себя на лбу?

Изгень стушевался, его стрелцы занервничали. Трудно предугадать, чего они ожидали, когда просили приёма. Что я вскочу с кресла и уступлю терем мальчишке? Сколько таких наглецов было за пять зим, я и считать перестал.

— Отец подарил эту подвеску моей матери, чтобы мы с ней ни в чём не нуждались, — упорствовал Изгень, взяв себя в руки и согнав краску с пухлых щёк.

— И так не нуждались, раз подвеска сохранилась до этих пор. Давай по-честному. Кто прислал тебя? Пеплица? Мохот? Передай им, что ни с десятым, ни с сотым «сыном» Страстогора я не отдам им Горвень. Не стоит тратить моё время и испытывать терпение. Я принимаю таких, как ты, только потому, что верю в душе, что Страстогор и впрямь мог наплодить на-

следников — истинных, тех, кому и терем отдать не жалко.

— Ты противишься любым доказательствам. Твоё сердце чёрство, так говорят. Ты не желаешь видеть в тереме законного наследника, потому что сам давно решил, что состаришься и умрёшь самонаречённым князем!

Я лениво взмахнул рукой, приказывая дружинникам увести мальчика и его стрельцов. Я всё для себя понял и не собирался больше с ним говорить, но и вредить ему не хотелось, пусть ступает с миром.

Изгень хотел уколоть меня, укорить и застыдить, но ни ему, ни кому-то другому никак не удавалось понять: единственное, чего я всегда желал, — это процветание моего княжества.

На гульбище свистел ветер, а внизу княжий двор роился мирно и деловито, как улей. Мне всегда делалось светлее на душе, стоило посмотреть на течение жизни вот так, сверху, или выйдя в город.

По первости, едва заняв опустевший терем после смерти старого князя, я часто спрашивал себя: правильно ли я поступаю? Не беру ли на себя больше, чем мне положено? Не лучше ли уступить стольный град кому-то другому? Кто я такой, чтобы быть тут? Всего-то безродный гонец-сокол. Но шло время, и понимал: некому уступить, да и незачем.

Поначалу каждый день кто-то да пытался куснуть побольнее Холмоlessкое княжество — всё начали соседние князья и княгиня, ощерились, послали гонцов и грозили войсками. Но я оставался непоколебим, чем злил всех ещё больше. Наверное, будь я один, и не занял бы терем никогда, но за мной стояли городские воеводы и, к моему удивлению, народ. Само

того не ожидая, Холмолесское получило трёх князей разом: меня, самонаречённого; вольного шутовского, который собрал своё княжество внутри существующего, да князя лесного, что и без того правил лесами, но при мне расширил свои угодья и свою власть. Другие князья нам троим были ни к чему, все самозванцы уходили ни с чем, пусть я и надеялся в душе, что обнаружится среди них истинный наследник, который станет правителем более справедливым, чем я. Но надежды таяли с каждым таким мальчишкой, как сегодняшней Изгень с фальшивой подвеской-филином.

Сам того не замечая, я затосковал. Нилер, городской воевода, отбыл к западным границам княжества, проверяя заставы и войска. Лесной и скомороший князь никогда надолго не задерживались в Горвене, а мой сокол, ближайший подручный, вернейший княжий гонец, летал в неведомых землях, и даже воробьиные стаи давно о нём не слыхали. Без него мне было труднее всего.

По двору промчался всадник на дорогом тонконогом коне. Я узнал и серебристого коня, и всадника в серо-голубых одеждах — гонец-сокол княгини Пеплицы. Спешился и вскинул голову, будто почувствовал мой взгляд сверху.

— Так и не обзавёлся личной дружиной? — рассмеялся сокол, сощурился на меня глаза. — Не боишься, что достанут стрелой?

— Если достанут, значит, так Господин Дорог распорядился, и ни один страж меня не защитит, — ответил я. — Что, снова Пеплица сватов засылает? Ответь ей то же, что и всегда.

— Больно нужен ты ей. В залу спустишься или мне к тебе подниматься?

Я устало махнул рукой:

— Спустишь. Велю налить нам сбитня. Или чего покрепче.

Гонца-сокола княгини Пеплицы нарекли Канюком. Имя-то птичье, да не соколье. После того как

пять зим назад одного за другим убили троих соколов, князьям пришлось нелегко. Сокол ведь не равно простой гонец. Сокола нужно посвящать во все княжки дела, он и воин, и переговорщик, и личный князев помощник. Ему любое дело можно доверить, даже то, которое дружине не поведаешь. А что самое главное — сокола необходимо знакомить с нечистецами. С теми, кто издревле делит Княжества с людьми. С лесовыми, водяными и их подручными. Без того сокол не полетит скоро сквозь дремучие леса Великолесья, не проскочит напрямик мимо Русальего озера, а если будет, как все прочие, держаться Трактов, то не доскачет так быстро, как мог бы пронестись лесными тропами.

Готовили Канюка, насколько я знал, наспех. Со временем он понабрался опыта, с нечистецами повидался, но так и остался с ястребиным именем.

Я не раз думал, что мой собственный сокол подстегнул других князей давать своим новонаречённым гонцам не соколы имена. Моего-то звали Огарьком, и сокольего посвящения он не проходил, пошёл против правил. Подтрунивали над ним, но он, гордец, делал вид, будто не слышит пересудов и смешков за спиной.

Пока я спускался, Канюк уже прошёл в пиршественную залу и уселся за стол. Не стал дожидаться у кресла княжьего, как все, кто просил приёма, а решил сам, что будем говорить на равных, сидя друг напротив друга.

Длинные светлые волосы, спускающиеся ниже лопаток, Канюк собирал в хвост, как и я. По правой щеке у него тянулся тонкий шрам, на конце которого блестело несколько перламутровых чешуек — след Мори, которой Канюк переболел перед тем, как стать соколом.

В былые времена его изгнали бы из города, боясь заразы, и не оставалось бы ему ничего иного, как примкнуть к гильдии шутов, к таким же меченым

и изгнанным. Но то было раньше, а теперь всё пере-
менилось.

— Сидишь сычом, а раньше летал, — хмыкнул Канюк, надавив на больное. Его наглая ухмылка никогда мне не нравилась, но я ценил Пеплицыного сокола за открытость и дерзость, он напоминал меня самого, когда я начинал служить Страстогору.

— Не за тем я тебя впустил, чтобы ты меня, князя, укорял.

— Ты не князь, а самозванец.

— Я признан моими людьми. Ни у кого из других князей нет такого преимущества. Они родились князьями, а я стал. Что, неужто ты плохой сокол оттого, что зовёшься ястребом?

Канюк облизал тонкие губы, стушевавшись. Не я появился к нему, а он ко мне, так пусть знает, что умею поставить на место, хоть и нет у меня личной дружины, кроме тех молодцов, что стояли в зале на страже, оберегая терем. Терем, но не меня самого.

— Если Пеплица оставила попытки заполучить меня в мужья, а заодно и всё Холмолесское в придачу, что же заставило тебя так скакать? Видел твоего взмыленного коня, по пустякам так не спешат, — продолжил я, решив скорее перевести разговор в другое русло.

Канюк подался вперёд, будто ему самому не терпелось скорее сообщить весть. Я обернулся на дружинников и махнул им рукой, отзывая. Если сокол скажет что-то важное, то пусть лучше его никто, кроме меня, не слышит.

— Я был у заставных городов. Да, по поручению Пеплицы объезжал твои, князь Лерис, границы, искал слабые места. И слышал в деревнях у западных границ толки разные. Говорят, гонцы от племён Седостепья к ним приходили. Просили ждать гостей.

Я сглотнул, стараясь не подавать виду, как меня ошеломили слова сокола.

— И что, ты первым делом ко мне поскакал, а не к своей княгине?

Канюк передёрнул плечами, ткань кафтана блеснула в сумраке залы.

— Твои границы. Пока до Коростельца доскачу, может, они и к нам приблизятся. Всё равно через Горвень короче, скакал мимо, решил первым тебе сказать, чтоб ты уже готовился.

— А не думал ли ты, милый Канюк, что я прикажу бросить тебя в острог? Во-первых, за нарушение границ. Во-вторых, за неверность своей княгине.

Канюк опешил, не совладал со своим лицом, и оно приняло такое ошарашенное выражение, что я горланно хохотнул. Птенец, что уж там.

— Соколам позволено свободно перемещаться между Княжествами, — промямлил Канюк.

Я хмыкнул, встал, потянулся и подошёл к маленькому столику с братиной сбитня.

— Не время пока для хмельного, да и оба мы на службе сейчас, так что отведай хоть сбитня. — Канюк схватил протянутую кружку, а я продолжил: — Псам тоже позволено бегать по лесу, но волнует ли это медведя, на которого они брешут?

— Так ты медведь, стало быть?

Я хлебнул сбитня, жалея, что нельзя сдобрить его брагой, утёр бороду и сощурился на Канюка. Головная боль нарастала, надоедливо стучала в висках.

— Медведь. Спорить будешь? А вы все — брехучие шавки, которые кусают со всех сторон за бока, а до горла добраться никак не могут.

— Однажды ведь доберутся, — огрызнулся он.

— Пожалуют. Так вот, о соколах. Я — не все остальные князья. Я — самонаречённый и признанный. И мои земли — что крендель на блюде. Каждому хочется, да никто не возьмёт. Если ты привёз весть для меня — что же, добро пожаловать. Но если рыщешь вдоль границ, выведывая для своей княгини, будь готов, что дружина Холмолесского тебя пой-

мает. И тогда я уже не стану угощать тебя сбитнем и беседовать один на один.

Канюк недоверчиво понюхал напиток, думал, я не замечу, но мне стало смешно.

— Не отравлю. Не сейчас. Ведь ты принёс весть, и я тебе благодарен. А насчёт княгини тоже не шутил. Ты выбрал меня вместо неё, а должен был поступить наоборот. Мало ещё летаешь на крыльях сокольных, резв, горяч да умом не блещешь. Мог бы использовать свои сведения против меня, и Пеплица тебя наградила бы. Учись, пока я в настроении с тобой разговаривать.

Выпив наконец сбитень, Канюк поставил кружку на стол — не на маленький, а на основной, оставив на тёмном блестящем дереве липкий влажный круг.

— Ты сам взращиваешь себе врагов, самонаречённый князь. В следующий раз я так и поступлю.

Обиделся, птенец. Может, я нравился ему больше, чем княгиня Пеплица? Но нет, ходили ведь слухи о том, что Пеплица завела себе не только гонца-сокола, но и молодого любовника в одном лице. Хотя я, наверное, казался ему достойным подражания: бывший сокол, сумевший занять терем и подчинить себе княжество, избежав при этом войны. Всё у меня было не так, как у других: ни крови княжьей, ни личной дружины, ни посвящённого сокола, ни верного коня — только огромный медведеподобный пёс Рудо, на котором я скакал без седла. В самом деле, жил я как медведь в берлоге, только не бурый, а рыжий с редкой проседью.

— Не таи на меня зла, Канюк. Говорил ведь уже: благодарен тебе. Спешу же, лети к своей княгине, смени коня и передохни, если нужно. А мне теперь нужно самому разобраться, как быть с твоей новостью.

Проводив Канюка, я всё-таки налил себе браги. Стены сжимались надо мной, сверху и с боков напирали недвижимыми глыбами. В груди схлопывалась

пустота, и я понимал, что не выдержу её больше ни минуты.

Свистнув пса, я вскочил на широченную спину и погнал прочь из города, к Великолесским чащам. Иногда я тревожился за Рудо, своего пса-монфа ростом с телёнка. Он был у меня уже больше двадцати зим, солидный возраст даже для монфа, но тот по-прежнему носил меня легко и стремительно. Я видел, как он радовался нашим совместным вылазкам, и не хотел лишать пса радости. Смотреть на Рудо, сильными прыжками мчащегося через Горвень, нравилось всем, а я любил, когда моим ладным псом любовались.

Сквозь город мы проскакали быстро, только ветер в ушах свистел. Уж не знаю, признавали ли прохожие князя в мчащемся наезднике. Наверное. Миновав посад, мы выскочили на жухлое осеннее поле, позади которого темнела лесная гряда, — там начиналось Великолесье, издревле пугающее простолюдинов. Но только не меня.

Пару раз Рудо метнулся в сторону, заметив зайца. Я не позволил ему охотиться прямо сейчас, направил к лесу. Пёс послушно двинулся сквозь сухостой, к зарослям куманики и бересклета, а когда кусты стали слишком густыми, я спрыгнул на землю, набрал в грудь побольше воздуха и выкрикнул имя лесного князя:

— Смарагдель!

Выкрикнул и приготовился ждать. Хотелось, чтоб он скорее явился, чтоб не томил и позволил быстрее взяться за то, что я задумал, но лесовой мог прийти только к вечеру. Сколько бы лет ни длилась наша дружба, крепнущая день ото дня, а лесовой не спешил соблюдать человеческие приличия.

К счастью, Смарагдель не стал испытывать моё терпение. Не прошло и получаса, как из чащи бесшумно выступил исполинский зубр. Я покосился на Рудо: пёс лениво молотил хвостом по мшистой под-

стилке. На моих глазах голова зубра сменилась на человеческую, а затем и тело вытянулось, уменьшилось. Вместо зверя уже стояло человекоподобное существо с горящими зелёными глазами. Рудо радостно залаял и метнулся к Смарагделю: вот уж кого не смущал никакой облик лесового.

— В тереме станешь больше похожим на человека, — произнёс я вместо приветствия. — Незачем людей пугать. И что за наряд? Кора удобнее кафтана?

Смарагдель перестал трепать Рудо между ушами, медленно оглядел свои мшистые рукава и пожал широкими плечами.

— Сегодня я чувствую себя так. Что стряслось? Своими криками ты перепугал всё живое в этой части леса. Для чего я нужен тебе в тереме?

— Лесной князь ничуть не хуже человеческого, — ответил я.

Смарагдель нахмурил брови:

— Что значит «не хуже»? Сдаётся мне, лесной князь куда предпочтительнее человеческого, да только не каждое княжество его достойно.

Я знал, что наш шуточный разговор никого не обидит. Ритуал вместо приветствия — так повелось с самого знакомства.

— У меня к тебе две просьбы. — Я решил поскорее приступить к делу. — Первая — проведи меня нечистецкими тропами до Дуберка. Хочу своими глазами взглянуть, что у границ творится, и своими ушами послушать, какие толки ходят.

— Не доверяешь своему соколу?

— Отчего? Доверяю, сам знаешь, так же как тебе и себе. Но лесными тропами скорее будет, хоть и придётся потом остаток пути проскакать. Думаю, Огарёк дольше будет добираться, проще уж мне к нему.

Смарагдель склонил голову и по-птичьему посмотрел на меня немигающими глазами. Не ответил на просьбу, слушал, что ещё скажу.

— А второе что? — спросил.

Я вздохнул, понимая, что лесовой не обязан соглашаться, несмотря на нашу связь. Нечистецы не люди, они могут показаться грубыми и жестокими, но Смарагдель, я точно знал, не стал бы врать и признаться бы прямо, если б просьба оказалась не по душе.

— Посмотри за теремом, пока я буду в Дуберке.

Смарагдель плавно сменил причудливый древесный наряд на привычный кафтан, украшенный перьями и самоцветами. Спина выпрямилась, лицо сделалось человеческим, и уже статный зеленокожий мужчина стоял передо мной, а не лесное чудище. По лицу Смарагделя скользнула улыбка.

— Прежнего князя хватил бы удар, помысли он о лесовом в своём тереме. Что, в тебе не осталось ни капли уважения к Страстогору?

— Хватит тебе. Если б не хотел, сразу бы отказался, а ты вон принарядился, князем людским себя возомнил. Уже делали так, забыл? Повторить не сложно. Да и ненадолго прощу, на пару дней всего. Так присмотришь?

Лесовой лениво отстранил от себя пса, который разомлел от почёсываний настолько, что развалился кверху животом; шагнул ко мне и протянул когтистую руку.

— Ну веди князя, князь.

Я широко ухмыльнулся и сжал крепкие Смарагделевы пальцы.

Лесовой проводил нас с Рудо до края Великолесья — нечистецкими тропами да с ворожкой добрались быстро, как ни за что не доскакали бы верхом. Дальше тянулись поля и холмы с жухлой травой и сухими свечками коровяка. Осень дохнула на землю, и тонкий зыбкий иней укутал пушком стебли.

— Больше не засылали к тебе сватов? — словно невзначай поинтересовался Смарагдель.

— Нет, успокоились.

— На твоём месте я бы боялся затишья более бури.

Я посмотрел в лицо лесового, по обыкновению не выражающее ничего человеческого.

— Что ты имеешь в виду?

Смарагдель сломил сухой стебель и растёр между пальцами в труху. По его пальцам проползли проростки мха и тут же скрылись под рукавом кафтана.

— Неженатый князь лучше женатого. Для тех, кто точит зуб на его земли, разумеется. Они подождут, когда твоя не начавшаяся династия иссякнет, а затем раздадут Холмолесское своим сыновьям и племянникам. Брат Пеплицы давно метит на княжеский престол, а юный сын Мохота прошлой зимой сел на коня. Сперва ты боялся, что Пеплица подберётся к Горвеню через твою опочивальню, но теперь твоё одиночество может, напротив, стать губительным.

Меня не оскорбили слова лесового, но задели что-то в груди.

— Я не одинок! На моей стороне и ты, и Огарёк, и Нилир, и Трегор. Три князя у Холмолесского: лесной, скомороший и я, признанный.

Смарагдель показал острые звериные зубы, странно смотрящиеся на почти человеческом лице.

— Не обманывайся, ты и сам знаешь, что это не одно и то же. Ты называешь меня лесным князем, но я лишь один из четверых Великолесских лесовых. Кроме меня, на Холмолесское может претендовать Гранадуб. Не удивляйся, если однажды застанешь его в своём тереме.

Я ухмыльнулся в бороду:

— Никто из лесовых не может похвалиться твоим тщеславием, Смарагдель. Кому, как не тебе, к лицу княжеские покои? Остальным людские терема ни к чему. Не подумай, не в укор тебе говорю.

— Про самозванных князей не забывай. И про то, что любое самоволие может решиться войной. Тебя терпят пять зим, но неясно, потерпят ли шестую. Будь осторожен, сын, и думай холодной головой, а не горячим сердцем.

Смарагдель положил руку мне на плечо. Я знал, что это — вся отеческая забота, на какую способен лесовой. Я обнял его, уткнулся лицом в перья на плечах кафтана и вдохнул землистый лесной запах.

— Зимой Гранадуб и остальные Великолесские залягут на сон, а ты, как всегда, маяться будешь. Не волнуйся, никто из них не присмотрит за моим теремом так же хорошо, как ты умеешь.

Смарагдель в самом деле был моим отцом и в самом деле страдал бессонницей, в отличие от остальных лесовых. Станным, поистине нелепым могло бы показаться моё ближайшее окружение, но я не представляю, что делал бы без всех них. Я отстранился от Смарагделя. Мне хотелось скорее двинуться дальше, скорее убедиться, что с Огарьком всё в порядке и что отсутствие вестей от него не означает ничего тревожного.

— В твоём тереме не хватает зелёного. Пойду займусь убранством. — Хитро сощурившись, Смарагдель потрепал на прощанье Рудо по холке и шагнул обратно в чащу, растворяясь между стволами. Я улыбнулся и покачал головой.

Может, в моём внезапном приезде было что-то мальчишеское, безответственное, не достойное истинного князя. Все ведь знали, что лошадей я не признавал и ездил только на монфе, а мои медные волосы можно было заметить издалека. Если бы кто захотел, с лёгкостью мог бы пристрелить меня, пока

я мчался через холмы к городу-заставе. Я надеялся, что стремительное перемещение по колдовским нечистецким тропам сделало меня неуязвимым для врагов: никто просто не успел бы подослать лучников.

Глупее всего было бы, конечно, оказаться подстреленным своими. Хорошо бы послать вперёд гонца-воробья, но тут-то внешность могла, напротив, сыграть на руку: дозорные должны узнать издали.

Дуберок был старейшей пограничной заставой в Холмолесском княжестве. Его возвели сотни лет назад, во время частых стычек со степняками. С тех пор вокруг крепости разросся настоящий городок, благо от стольного Горвеня недалеко, хоть и не по Тракту. В крепости обычно дежурил десяток воинов, но я увеличил их число до полусотни и велел прислать из окрестных деревень мальчишек, готовых учиться воинской службе. Городок из пяти слобод давно обзавёлся и торгом, и мыльнями, и даже кабаком, а после того как на заставу прибыли воины, в Дуберок стеклось множество блудниц и мелких торговашей.

На подъезде к городку я спешил и пошёл рядом с Рудо, положив одну руку на холку псу, а вторую, по привычке, опустив на кинжал, висящий у пояса. Дуберок не был похож ни на Горвень с его посадом и городищем, ни на деревеньки, в которых все улицы сходились к площади с приказной избой, кабаком и иногда — святилищем. Здесь слободы тянулись вдоль крепостных стен, и своеобразным центром можно было назвать лишь торг, чуть выступающий вперёд, оттого и заметный издали.

На площади юнцы постигали искусство владения мечом. С дюжину новобранцев пытались сразить друг друга деревянным оружием, и я остановился, любуясь: как ладно они двигались, словно танцевали на праздновании пробуждения Золотого Отца! Один из юнцов сделал впечатляющий выпад, и его противник упал на спину, но тут же вскочил, и оба, расхохотавшись, принялись бороться врукопашную, как два медведя.

– Хороши мои бойцы?

Знакомый голос прогрохотал справа от меня, и я рассмеялся, не хуже борющихся мальчишек.

– Нилир! Чудо как хороши.

Кудрявый рыжий воевода степенно приблизился ко мне, а Рудо протолкался вперёд и радостно ткнулся в лицо Нилиру мокрым носом.

– Всё как ты велел. Пойдём, крепость покажу.

Мимо нас пронеслось что-то огромное, бурое. Я успел развернуться и вынуть из ножен кинжал, хотя умом, а может, и сердцем уже понял, кого увижу.

Огарёк спрыгнул с Шаньги, своего медведя, и, сделав к нам пару шагов, поклонился, не сводя с меня пристального взгляда жёлтых глаз. Я стремительно подошёл к нему, сжал плечи и заставил выпрямиться. Шаньга с Рудо уже дружески обнюхивались, не скрывая радости от встречи. Нилир хмыкнул в кулак и отступил назад, сделав вид, что ему срочно понадобилось проверить своё обмундирование. Больше не сдерживаясь, я крепко прижал Огарька к груди.

– Чего не писал мне? – хрипло выдохнул ему на ухо. – Я волновался, мало ли что...

– А может, знал, что ты первый ко мне доберёшься? – Огарёк отстранился и посмотрел на меня уже не как сокол на князя, а как друг на друга. Его зелёная кожа, выдающая выходца из Мостков, потускнела, щёки ввалились, и он выглядел старше своих восемнадцати зим.

Я усмехнулся ему и потрепал по волосам.

Шаньгу и Рудо увели на псарню – за ними пришёл улыбчивый безбородый Макша, в котором собаки и кони души не чаяли, а мы с Огарьком поднялись на крепостную стену. Отсюда открывался вид, нагоняющий тоску и ужас: холмы перерастали в равнины, покрытые бурой травой, и тянулись так далеко, что тонули в сером тумане. Бесплодные, ничейные земли, по которым гуляют ветра и дикие народы, кочующие от одного стойбища к другому. Если задуматься, у степ-

няков было что-то общее с гильдией шутов, которую возглавлял мой хороший друг, скомороший князь Трегор. Пусть скоморохи, пережившие прошлые вспышки Мори и получившие диковинные метины, больше не считались прокажёнными и были вольны жить хоть в деревнях, хоть в городах, заводить семьи и трудиться везде, где им заблагорассудится, а всё равно большинство предпочитало вместе со своим князем бродить по Трактам и давать дивные представления там, где людям больше всего хочется чудес.

— Жутковато, правда? — спросил Огарёк, кивая на Седостепье. — Но Шаньге нравится там носиться.

Я нахмурился:

— Ты тратишь время, гоняя по степям?

— Собирая кое-что для своего князя.

Он протянул бумагу, с неуловимой ловкостью удивив её не то из мешка, не то из-за пазухи.

— Сколько раз повторял, не зови меня «своим князем», когда мы вдвоём.

Я выхватил бумагу, не скрывая нетерпения, и развернул.

— Как скажешь, князь.

Письмо слишком заняло меня, чтобы отвечать на дерзость Огарька.

Писал Сахгальский тхен — предводитель одного из крупнейших степняцких племён. Наш язык давался ему тяжело, но я оценил старания, с какими он выводил буквы и подбирал слова, очевидно, не пользуясь помощью кого-либо из Княжеств. И раньше ходила молва о степняках-сахгальцах, кочующих к востоку, не признающих каменных или деревянных городов и другой еды, кроме дичи и трав, но теперь я всё чаще слышал о них. Кто знает, быть может, их тоже привлекала мнимая сиротливая беспомощность Холмолесского, оставшегося без законного князя? Я едва сдержал усмешку, представив тхена в моём тереме и утверждающим, будто он — очередной самозванный сын Страстогора.

Я выдохнул, когда понял, что в письме — не объявление войны и не требование оставить княжество, а простое предложение о переговорах. Конечно, это прибавило тревоги: все знают о хитрости и дальновидности степняков, но раз уж я выдержал пять зим давления со стороны четверых князей и княгини, то что мне единственный тхен?

— Ты не сломал печать, — заметил я, сворачивая письмо и убирая за пазуху.

Огарёк перекинул длинные смоляные волосы за спину. Если я предпочитал перевязывать волосы ремешком в хвост, то Огарёк упрямо носил распущенные патлы. Мальчишка, что с него взять.

— Конечно, не сломал. — Он повёл плечами, не глядя на меня. Обиделся, что ли?

— Но хотел.

Огарёк пожевал губу и хитро мигнул жёлтыми глазами:

— До смерти хотел.

Я хохотнул и хлопнул его по плечу:

— Ты хороший сокол, Огарёк. Лучший.

Он обнял меня, как порывистый ветер, и я в ответ стиснул его руками.

Мы стояли так, пока дозорные не начали дежурный обход. Я был счастлив от того, что с Огарьком не случилось ничего худого, и он, я уверен, испытывал то же.

Письмо первое

Царевичу Велефорту от царя Сезаруса

Лефер, мой милый Лефер, когда ты прочитаешь это, то будешь уже царём, а я превращусь в прах. Оттого и хочу написать тебе так, будто говорю откровенно, а не докладываю по всем письменным правилам. Вот видишь, рука моя дрожит, ставит кляксы, а я не поручаю это задание писарям, потому что хочу... да ты сам поймёшь, чего я хочу.

Хочу остаться в твоей памяти, Лефер, пусть и не совсем понимаю, что с тобой не так, и это непонимание терзает моё без того большое сердце.

Ты, наверное, помнишь все подарки, которые я тебе дарил. Не знаю, что у тебя в голове, каким правилам она подчиняется, но только я уверен, что помнишь.

Когда тебе исполнилось три года, я устроил праздник в твою честь — с артистами, фокусниками, жонглёрами и диковинными ручными зверьками из Мостков — помнишь ведь? Их везли кораблём так много дней, что из трёх дюжин выжило только семеро. Я мечтал, что усажу тебя на коня — кони ведь тоже были, холёные, жемчужно-белые, с золотистыми украшениями на головах. Мечтал, да только в глубине души знал, что если ты и сядешь на коня, то всё равно не поскачешь. Испугаешься, заупрямишься, попросишься вниз. Так и вышло, лошади тебя напугали, зато артисты и фокусники заставили смеяться от радости, а меня — ощутить себя отцом обычного ребёнка. Пусть тебя не расстроит это сравнение, Лефер. Я вовсе не имею в виду, что ты хуже обычных детей. Просто иногда мне бы хотелось... Ох, нет, Лефер, не бери в голову, я бы зачеркнул эту строчку, но не хочу ничего от тебя скрывать.

После того празднования я подарил тебе одну безделуцу — маленькую карусель, которая поёт и крутится, а акробаты в ней кувыркаются, и у каждого на плече по милой хвостатой несъенке из Мостков.

Лошади заинтересовали тебя только к восьми годам, и тогда я подарил тебе лучшего скакуна, какого смогли отыскать мои люди. Во всём Царстве не было коня краше, величественнее и быстрее. Пусть ты не скакал на нём, только чистил, гладил и шептал что-то на ухо, но я снова был счастлив видеть, что подарок тебе по душе.

Я хочу, чтобы все мои подарки приносили тебе только радость.

Оттого и хочу, чтобы мой последний подарок стал самым грандиозным, самым важным и таким, чтобы он прославил тебя, царя Велефорта.

Я обновлю наше Царство, сделаю его таким, каким оно никогда не бывало. И подарю его тебе, Лефер.

